

Мне тебя
ЗАПРЕТИЛИ

Инна Инфинити

Инна Инфинити

Мне тебя запретили

<https://litres.ru/74413588>

Аннотация

Когда я научусь без него жить. Когда уже отболит. Когда мои будни будут наполнены блеском, роскошью и щелчками фотокамер, моя жизнь сломается, а ОН снова появится на пороге.

— А я каждый день смотрел на тебя на всех плакатах. — И о чем ты думал, когда видел меня? — О том, что без тебя нет жизни...

СМОТРИМ БУКТРЕЙЛЕР!!!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Лучший день в жизни	16
Глава 2. Королева	25
Глава 3. Дежавю	35
Глава 4. Спор	44
Глава 5. Триггер	52
Глава 6. Спор окончен	62
Глава 7. Утро после выпускного	67
Глава 8. Совещание	73
Глава 9. Непрочитанные сообщения	79
Глава 10. Завтрак с семьей	85
Глава 11. Светский раут	95
Глава 12. Гости	105
Глава 13. Не ровесница	112
Глава 14. Безудержное веселье	117
Глава 15. Сон	128
Глава 16. Дело труба	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Пролог

Идет третий час вечеринки. Смех становится громче, голоса пьянее, а огромная гостиная моей квартиры в центре Бостона все больше похожа на эпицентр грехопадения. Ничего нового, все по классике. Алкоголь, курево, неадекватные друзья... Так я и живу.

На мои колени опускается Джессика. А если точнее, садится на меня верхом, не стесняясь друзей вокруг. С некоторых пор мы вроде как встречаемся.

— В чем дело, Алекс? — запускает ладонь мне в волосы и смеется. Я перевожу взгляд на ее красивое лицо. Вот только ей совсем не идет красный цвет волос. Как и этот пирсинг на губе. — Ты выглядишь грустным.

— Все окей, — я смотрю ей ровно в глаза и глажу по спине.

В помещении вдруг резко становится тихо.

— Черт, сдохла USB-колонка! — обреченно стонет Эмили.

— Ну и отлично! — радуется Люк. — Сейчас уже баскетбол начнется. — И не спрашивая мнения ни у кого вокруг, он берет пульт от телевизора и включает его.

— Матч завтра, — отвечает ему Шон.

— Матч 22-го, — спорит Люк.

— Да, а сегодня 21-е. — Ржет над ним Шон.

— Вот дерьмо! — раздосадованный Люк отбрасывает пульт в сторону.

Телек продолжает громко работать, объявляя нам о начале популярной программы одного звездного ведущего, к которому приходят в гости знаменитости.

— *Всееееем привееееет, дорогие зрители!* — на экране появляется белобрысый телеведущий педиковатого вида. Он одет в ярко-малиновый костюм, а на лице у него макияж.

— Выключите этого придурка, — прошу я друзей, выискивая глазами пульт.

— Ой, а мне он нравится, — Джесс подскакивает на моих коленях. — Давайте посмотрим, кто у него сегодня в гостях!

Я брезгливо морщусь, а педик на экране тем временем продолжает нести чепуху. Я аккуратно снимаю с себя Джессику и уже собираюсь уйти проветриться на балкон, как слышу описание гостя сегодняшней программы.

— *Ииии сегодня у нас в гостях,* — заливается белобрысый педик, — *самая красивая, самая сексуальная девушка планеты...* — *делает драматичную паузу, а я замираю на месте, чувствуя, как уже начали трястись пальцы.* — *Девушка, которую хотят миллионы мужчин на земле. Топ-модель, которая взорвала все мировые подиумы...* — *снова пауза, а мое сердце колотится набатом в ушах, потому что под его описание может подпадать только один человек в этом мире.* — *Наталииии Кузнецова-Готье!*

Зал взрывается аплодисментами, в моей гостиной придур-

ки-однокурсники свистят от радости, а я медленно поворачиваю к телевизору задеревеневшую шею.

И на экране появляется Она...

Как всегда безупречна, будто сошла с обложки журнала. Впрочем, она действительно с обложки журнала в прямом смысле этого слова. Белоснежная голливудская улыбка, большие глаза, светлые волосы по пояс. Она идет модельной походкой от бедра, разрезы по бокам длинного платья оголяют длинные стройные ноги. Педик устремляется к ней навстречу и спешит расцеловать в обе щеки.

— *Натали, я так рад, я так рад, что ты смогла прийти на мою программу!*

— *Что ты, Кевин, — слегка смеется, целуя педика в ответ. — Тебе спасибо, что пригласил. Это такая честь для меня!*

Белобрысый ведет ее к креслу возле своего стола.

— Оставьте эту программу! — подсказывает с дивана Люк. — Я обожаю эту телку!

Слово «телка» по отношению к Ней резко режет слух, и мне приходится сдержать порыв заехать другу по морде.

— О даааа, — вторит ему Шон. — Она зачетная. Я все жду, когда эта русская снимется обнаженной для Playboy.

— А я слышала, что она сделала карьеру через постель, — кривится Эмили.

Подруга порывается сказать что-то еще, но на экране начинается оживленный диалог ведущего с Ней, и все находя-

щиеся в комнате устремляют глаза к телевизору.

— Натали, — серьезно начинает белобрысый, — сразу три журнала моды признали тебя самой сексуальной женщиной планеты, а еще два — самой красивой. Также согласно нескольким социальным опросам, ты являешься самой желанной девушкой в мире. Так ответили от 60 до 80 процентов мужчин в возрасте от 21 до 40 лет. Скажи мне: какого это — быть самой сексуальной, самой красивой и самой желанной на планете Земля?

Она смущенно улыбается.

— О Боже, Кевин, ты вгоняешь меня в краску! — закрывает лицо ладонями.

— Это не я придумал! Это тебя такой официально признали! Ты и сама ведь знаешь!

Она слегка смеется.

— Да... Если честно, я была очень удивлена. На самом деле я отнюдь не считаю себя самой красивой и самой сексуальной в мире. Мне всегда казалось, что у меня обычная внешность.

— Ну-ну! — ведущий грозит ей пальцем. — Не скромничай! Я уже молчу о том, что ты самая высокооплачиваемая топ-модель на сегодняшний день. Forbes посчитал, что за прошлый год ты заработала 35 миллионов долларов. Это правда?

Она слегка мнетя, думая, как ответить на этот вопрос.

— Что такое деньги, Кевин? — безразлично машет ру-

кой. — Деньги — это вода. Сегодня есть, а завтра нет. Так же, как красота и молодость.

— Ну уж твоя красота точно никуда не денется! — спорит ведущий. — Даже с возрастом.

— Пф, конечно, не денется, если прокладывать путь на экран через диван, — комментирует Эмили.

Комментарии подружки заставляют меня закипать от злости. Но я сейчас слишком занят происходящим на экране, чтобы уделить время Эмили.

— Натали, — педик строит серьезное лицо. — Но все-таки поделись своим рецептом успеха? Как тебе удалось забраться на вершину модного Олимпа?

— Все очень просто, Кевин, тут нет никакого секрета, — Она разводит руками. — Один парень, в которого я была влюблена в школе, разбил мне сердце, и мне больше ничего не оставалось, кроме как идти вперед. Вот я и дошла до вершины, как ты говоришь, модного Олимпа.

От этих слов у меня внутри все замирает и холодеет. Кажется, я не слышу ничего, кроме происходящего на экране и гула собственного сердца.

— Да!? — восклицает ведущий. — И кто же этот мерзавец, посмеивший разбить тебе сердце?

— Да так, один парень, которого я знала с детства. — Она пожимает плечами. — Мы учились в одном классе. Я была в него влюблена, а он меня использовал. На самом деле ничего нового, история стара, как мир.

— Ну он и идиоооот! — восклицает белобрысый. — Каким же надо быть придурком, чтобы упустить такую девушку, как ты! Я хочу сказать ему пару слов. — Камера берет лицо ведущего крупным планом. — Ты! — он тычет в меня указательным пальцем и смотрит ровно в глаза. — Да-да, я к тебе обращаюсь, смотри на меня! — я послушно смотрю, потому что знаю, что он действительно обращается ко мне. — Ты самый настоящий тупоголовый осел! Потому что только осел мог упустить такую девушку, как Натали! Хочешь сказать, что ты нашел кого-то лучше нее? Черта с два! Эта самая сексуальная, самая красивая и самая желанная женщина планеты могла бы быть твоей. Но ты! — он снова тычет в меня пальцем. — Ты упустил ее навсегда!

Я стойко выслушиваю его тираду. Странно, что у меня не появилось желания разбить телевизор, когда он ко мне обращался. Возможно, потому что в его словах нет ни капли лжи, и я понимаю это.

— Боже, Кевин, это слишком! — Она слегка смеется. — Я уже давно не держу на него зла. У каждого из нас своя жизнь. Я надеюсь, что он счастлив.

— Я так не думаю, — категорично качает головой ведущий. — Разве можно быть счастливым, упустив такую красоту, как ты?

— Я уверена, что у него все прекрасно! В любом случае я ни капли не желаю ему зла!

— Ну а что насчет тебя? — ведущий играет бровями. — Это правда, что о тебе говорят?

Она пытается составить серьезное лицо.

— Что ты имеешь в виду, Кевин?

Ведущий два раза поднимает брови вверх-вниз.

— Ну... — он понижает голос до интимного шепота. — Ты и Райан Джексон... Это правда?

Она наклоняется к нему ближе и шепчет:

— Не понимаю, о чем ты, Кевин.

Он тоже наклоняется к ней еще ближе.

— В последнее время папарацци так часто видят вас вместе... Сама понимаешь, это наталкивает нас всех на определенные мысли...

Она слегка прикусывает губу в лукавой улыбке.

— На правильные мысли наталкивает, — наконец, говорит ему все так же шепотом.

— То есть, — ведущий повышает голос и округляет глаза в изумлении. — Хочешь сказать, что ты и Райан Джексон... — он широко распахивает рот и накрывает его ладонью.

— Вместе! — громко договаривает за него фразу Она. — Да, Кевин, мы с Райаном вместе уже несколько месяцев!

Педик визжит от восторга, зал взрывается аплодисментами.

— О! Мой! Бог! — восклицает белобрысый. — Друзья, только что топ-модель Натали Кузнецова-Готье офици-

ально подтвердила свои отношения с голливудским актером, звездой вселенной Marvel Райаном Джексоном! — ведущий встает с места и помогает Ей подняться. — Спасибо большое, Натали, что уделила время и пришла на мою программу! — расцеловывает ее в щеки и прощается.

По телевизору начинается реклама, а я все так же продолжаю стоять и смотреть на экран ящика. Только что у меня внутри все умерло и остановилось.

— И все-таки я считаю, что она сделала карьеру через постель! — доносится до меня будто сквозь вату голос Эмили.

— Да по фиг, — отвечает Шон. — Даже если и через постель. Черт, эта русская реально самая сексуальная на планете. Она мне даже снится.

— И что же ты делаешь с ней во снах? — ржет Люк.

— Оооо, я с ней такое делаю!

— Я читала, что она в 13 лет переспала со взрослым мужиком, чтобы он снял ее в каком-то задрюпанном русском журнале, — не унимается Эмили. — И я уверена, что это правда!

— Это не правда, — громко вмешиваюсь и сам удивляюсь твердости своего голоса.

Друзья резко ко мне поворачиваются и затихают.

— Она не спала ни с кем в 13 лет! — продолжаю со статью в голосе. — Более того, в 13 лет она даже не думала становиться моделью. В 13 лет она каталась на велосипеде по подмосковному посёлку, ходила в художественную школу и

кормила бездомных кошек и собак. Эта девушка самый чистый и искренний человек в мире, а ты, Эмили, не суди людей по себе!

В гостиной воцаряется молчание, прерываемое только рекламой по телевизору.

— Алекс, ты ее знаешь? — Джессика упирает руки в боки и хмурит брови.

— Да она же его соотечественница! — восклицает Шон таким тоном, будто ему только что пришла в голову гениальная мысль.

Я взрываюсь неконтролируемым истеричным смехом.
«Соотечественница».

Вот кто она мне теперь. Не соседка. Не одноклассница. Не дочь друга семьи.

Не любовь всей моей жизни.

А «соотечественница».

Я ничего не отвечаю. Хватаю со стола свой телефон, на тумбе в прихожей беру кошелек с ключами и выбегаю из квартиры, громко хлопнув дверью. Но вывалившись из подъезда, я резко замираю.

Потому что ровно напротив меня стоит газетный киоск, и Она смотрит на меня с обложек сразу пяти журналов. На трех Она позирует, а на двух ее сняли папарацци вместе с этим Райаном Джексоном. Топ-модель и звезда комиксов Marvel. Самая красивая пара Голливуда, как про них пишут.

Я отворачиваюсь и быстро иду по тротуару. Больше все-

го на свете я мечтаю прийти туда, где не увижу Ее, но это невозможно. Она везде.

В рекламе духов — Она. В рекламе трусов — Она.

На обложках всех журналов, на страницах всех газет, на билбордах всех улиц...

Она. Она. Она.

Я срываюсь на бег. Передвигаю ногами так быстро, как могу. Бегу от нее, но знаю, что мне не убежать. Она будет смотреть на меня отовсюду, ее голос будет доноситься до меня из всех динамиков.

Куда бы я ни скрылся, Она настигнет меня везде.

Три года назад я мечтал улететь за океан и больше никогда ее не видеть и ничего о ней не знать. Но Она настигла меня и тут.

Она мое наваждение. Она моя паранойя.

Я бегу от Нее, не разбирая пути, пока из легких напрочь не выбивает воздух. Абсолютно без сил я приваливаюсь к какому-то зданию и сгибаюсь пополам. Легкие горят огнем, каждый вздох разрывает грудь адской болью, перед глазами пляшут мурашки. Зажмуриваюсь и крепче хватаюсь за стену незнакомого здания. Кое-как восстановив дыхание, я медленно выпрямляюсь, открываю глаза...

И вижу Ее...

На огромном экране размером с пятиэтажное здание она дефилирует в белом купальнике. Машет в разные стороны длинными светлыми волосами, смеется и крутится, демон-

стрируя идеальную фигуру.

Я смотрю на Нее словно загипнотизированный. Вокруг снуют толпы людей, едут потоки машин, но я ничего этого не замечаю. Я просто стою посреди тротуара и смотрю на Нее.

Наташа...

Вспоминаю, как держал ее в своих руках, гладил по лицу, вдыхал запах волос. Целовал ее мягкие губы, фарфоровую кожу, прижимал к себе и слышал шепот:

— Леша, я люблю тебя.

Она могла бы быть только моей. Она хотела быть только моей. А я все разрушил...

— Какие же у нее сиськи! — раздается рядом грубый мужской голос, и я резко поворачиваю голову, выныривая из воспоминаний. Рядом со мной встал жирный мужик лет 40, от которого несет дешевым пивом и чипсами. — Я б ее отымел... — мечтательно тянет.

Внутри меня что-то щелкает. Как будто сорвали чеку у гранаты. Я резко разворачиваюсь к мужику и со всей силы заезжаю ему кулаком в челюсть. Он отшатывается назад, но удерживается на ногах. Я бью его еще и еще. Гнев и ярость просятся наружу, и я уже просто не могу остановиться.

Мужик валяется на земле, а я продолжаю обрушивать на него жестокие удары ногами, превращая в кровавое месиво. С каждой новой атакой на его заплывшее жиром тело из груди вырываются крики скопившейся за три года боли и отчаяния. Нас окружают прохожие, они что-то кричат, кто-то

снимает нас на телефоны, а я продолжаю жестоко избивать ногами этого мужчину, пока сквозь толпу зевак не прорываются полицейские.

Один из них сбивает меня с ног и валит на тротуар лицом в асфальт. Я сильно бьюсь головой о твердую землю, но даже этот удар не приводит меня в чувство. Ярость остается невыплеснутой, и я сжимаю в кулаки заломленные за спину руки, чтобы не накинуться на полицейского.

— Вы арестованы. — Он прижимает меня к асфальту коленом. — Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Вы имеете право на адвоката. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством. Вам понятны ваши права, сэр?

Я смотрю на неподвижное бездыханное тело и растекшуюся под ним огромную кровавую лужу, а затем поднимаю глаза выше и встречаюсь взглядом с Ней. И в момент, когда на моих запястьях щелкают наручники, Она заливисто смеется.

Глава 1. Лучший день в жизни

За 3 года до событий пролога

«Сегодня определенно лучший день за 18 лет моей жизни!».

Вот, что я думаю, когда стою в своей комнате перед зеркалом и поправляю бабочку на белой рубашке. Снимаю со спинки стула черный пиджак и надеваю его.

Разве существует день счастливее школьного выпускного!?

Нет.

Окончание школы — это лучшее, что может случиться с человеком. Прощайте, 11 лет детства и тотального контроля со стороны родителей и престарелых учительниц-мегер.

Прощайте 11 лет одних и тех же осточертевших фраз:

«Звонок для учителя»

«Достаем двойные листочки»

«К доске идет...»

«А голову ты дома не забыл?».

Боже, наконец-то я больше никогда не буду это слышать!

Дверь моей комнаты резко распахивается и заходит мама.

— Леша, ну ты готов? — видит меня и резко осекается.

Складывает пальцы в замок и прижимает руки к груди.

Через секунду на ее глазах выступают слезы.

— Сыночек, ну когда ты у меня так вырасти успел? —

бросается меня обнимать.

Я аккуратно обнимаю родительницу в ответ.

— Мам, ну ты чего? — осторожно говорю. Вот только ее слез мне не хватало.

Мать отходит на шаг и продолжает умиленно на меня смотреть.

— Леша, еще совсем недавно ты пошел в первый класс! — родительница достает откуда-то из кармана платя белоснежный носовой платок и промокает глаза.

— Ну что? Готовы? — в комнату заглядывает отец.

— Максим! — мама тут же к нему поворачивается. — Ну когда он у нас так вырасти успел, а?

Я уже закатываю глаза. Отец, смеясь, подходит к нам и тоже меня обнимает.

— Давайте уже поедem? — тороплю предков, чтобы поскорее выбраться из этих обнимашек. — А то опоздаем.

— Да-да, конечно, — отец выпускает меня из рук и идет к выходу.

— Мам, — обращаюсь к родительнице. — Можно кое о чем тебя попросить?

— Конечно, сынок.

— Можешь, пожалуйста, не плакать, когда мне будут вручать аттестат?

Родительница сначала удивленно распахивает свои и без того огромные синие глаза, а потом обиженно поджимает губы.

— Мам, ну пожалуйста, — настойчиво прошу. — Ты можешь сдержать в себе этот порыв, когда я выйду на сцену?

— Хорошо, — обиженно соглашается.

Но я все равно ей не верю и, тяжело вздохнув, направляюсь на выход из комнаты. Нужно пережить тупую торжественную часть в школе, а потом нормально оторваться с друзьями.

Одноклассники — вот по кому я действительно буду скучать. За 11 лет у нас сложилась отличная компания. Что мы только не вытворяли за эти годы. Мне жаль расставаться с друзьями, но впереди меня ждет еще более интересная и веселая жизнь.

Я поступил в бизнес-школу Гарварда и в конце августа уезжаю учиться в Америку. Мне 18 лет, у меня собственная квартира в Бостоне и огромный счет в банке. Спасибо родителям. Как говорится, сделать карьеру — это хорошо, но еще лучше — родиться в семье, где эту карьеру уже сделали до тебя.

Моя мама владеет крупнейшей строительной компанией России, отец известный московский адвокат. Мать видит во мне будущего управленца своей компании, поэтому мечтала отправить меня учиться в Гарвард. По ее стопам. Она тоже окончила эту бизнес-школу.

Я никогда не возражал. Уехать в 18 лет за океан и жить там самостоятельно, учась в лучшем вузе мира, — что может быть прекраснее? И никакого над тобой родительского

надзора.

Не, у меня хорошие предки, они никогда не душили меня тотальным контролем, но если есть возможность жить одному, учиться в крутом университете и ни в чем себе не отказывать, то почему бы и нет? Поскорее бы уже. Осталось два месяца потерпеть.

Школу в день нашего выпускного украсили дурацкими шариками и ватманами с надписями: «В добрый путь, выпускник!». Тошно смотреть. Я пробираюсь сквозь толпы ребят из параллельных классов и их родителей и захожу в кабинет нашего классного руководителя. Добрая половина одноклассников уже тут.

— О, Леха! — кричит мой лучший друг Влад.

Мы жмем руки.

— Ну что? — понижаю голос. — Отрываемся сегодня?

— А то! — он слегка отодвигает в сторону лацкан пиджака и демонстрирует мне маленькую бутылку виски, спрятанную во внутренний карман.

Я отодвигаю свой лацкан и показываю ему такую же. Нам уже есть 18, так что всех учителей, запрещающих распивать алкоголь и угрожающих пожаловаться родителям, я буду посылать куда подальше.

Влад резко замирает, смотря поверх моего плеча. По одному его взгляду понятно, кого он там увидел. Я тоже застываю, затылком чувствуя ее появление.

— Ппц, Кузнецова, как с обложки журнала сошла, — за-

вороженно выдыхает и аж рот приоткрывает.

Я продолжаю стоять к ней спиной, специально не оборачиваясь. Достаточно того, что я слышу ее звонкий смех, а нос улавливает аромат ее духов.

Наталья Кузнецова-Готье...

Самая красивая девушка нашей школы. Француженка по матери, отсюда и вторая фамилия Готье. В этом лицее нет парня, который бы не был влюблён в Кузнецову. Как-то у нас даже шутка ходила: если у тебя не стоит на Наташу, значит, ты импотент.

Но удача улыбнулась только Данилу Варламову из параллельного класса. Только ему Кузнецова ответила взаимностью, хотя открыто интерес к ней проявляли все, кроме меня. Наташа встречалась с Данилом весь 10 класс, но потом они из-за чего-то расстались.

Наверное, я единственный парень в нашей школе, который никогда не пытался закадрить Кузнецову. Но это не значит, что она мне не нравилась. Наоборот, иногда мне кажется, что у меня уже паранойя из-за этой девушки.

Она дочь лучшего друга моего отца. Сегодня я с ней заму-чу, завтра мы из-за чего-нибудь расстанемся, а послезавтра мне нужно будет сидеть с ней за одним столом на каком-нибудь юбилее. И как это будет выглядеть? А если я ее ненароком обижу, а она нажалуется на меня своим родителям? Наши семьи однозначно разругаются. В общем, как говорит мой дедушка, который основал крупнейшую строительную

компанию в России: «Хочешь испортить с человеком отношения — начни с ним совместный бизнес».

Вот именно такая ситуация у меня с Наташей. Чтобы не портить отношения семей, мне с Наташей лучше никакой «бизнес» не начинать. Поэтому до 9 класса я упорно делал вид, что ее не существует. Даже не здоровался с ней. Но в 9 классе я по дурусти ввязался в спор с друзьями, и после этого делать вид, что я не знаю, кто такая Наташа Кузнецова, уже невозможно. Жалею об этом до сих пор.

— Челюсть подбери, — зло бросаю Владу, несводящему взгляд с Наташи. — А то слюни потекут.

— Лёха, клянусь, этой ночью я затащу ее в постель, — продолжает пялиться на девушку.

— Так она к тебе и легла, — говорю с сарказмом.

— А я ее напою!

— Наташа не пьёт, — напоминаю ему.

— Значит, я ей в сок подсыплю волшебный порошок. — Подмигивает. — Он у меня сегодня с собой.

Мне не нравится полет мыслей приятеля. Этот придурок ведь действительно может не просто напоить Наташу, но еще и что-нибудь подмешать ей в стакан.

— Совсем с ума сошёл? — повышаю тон. — Только попробуй.

— Да что такого? Я за ней с первого класса бегаю! Сколько можно уже меня динамить?

— Выкини эту идею из головы. — Цежу сквозь зубы. —

Это уже явный перебор!

— А что ты так за нее переживаешь? — выгибает бровь. — Тебя она вообще-то тоже тогда продинамила, — напоминает мне о нашем споре трехлетней давности.

Не продинамила. В последний момент я сам себя остановил, поняв, что не могу воспользоваться Наташей. Ведь она дочь друга семьи, а значит, под запретом для меня. Ну и, в конце концов, у меня же есть совесть. Но друзьям я сказал, что Кузнецова меня послала.

— Да, Наташа меня тогда продинамила. — Говорю. — И что?

— Да бесит она — вот что! — возмущается.

— Влад, тебя там, кажется, твоя мама ищет, — решаю прекратить глупый разговор. На мое счастье родительница друга действительно вертит головой в поисках сына.

Недовольно цокнув, он уходит к своим предкам. Оставшись один, я медленно разворачиваюсь и тут же вижу Наташу. От одного вида этой девушки дыхание захватывает.

На ней длинное красное платье с высоким разрезом. Светлые волосы до пояса сейчас подняты в высокую прическу. Пока ее родители разговаривают с моими, Наташа общается со своими подружками.

Я стою, будто загипнотизированный ее красотой. Наташа самая красивая девушка в нашей школе? Чушь! Наташа самая красивая девушка на этой планете.

Видимо, почувствовав на себе мой замороженный взгляд,

она медленно поворачивает голову и встречается со мной глазами. На секунду тоже замирает, будто задержав дыхание, а затем отрывается от своих подруг и направляется в мою сторону. И от одной ее модельной походки сердце останавливается.

— Привет, Леша, — встает в полуметре от меня и скромно улыбается.

— Привет, — выдавливаю из себя хриплым голосом.

— Как дела?

— Нормально, — скольжу взглядом по ее фарфоровой шее, красивой груди, обтянутой красным шелком платья, и силой заставляю себя вернуться к глазам девушки. Они у нее карие, как молочный шоколад.

Разве законно быть такой красивой???

— А твои дела как? — стараюсь взять себя в руки и нормально вести диалог.

— Хорошо, только грустно немного.

— Почему?

— Ну как это, — удивляется. — Мы заканчиваем школу.

— А я рад, что больше не будет школы. И рад, что через два месяца уеду отсюда на другой конец земли.

«Потому что там я никогда не увижу тебя», — добавляет мой внутренний голос.

Это и есть истинная причина, по которой я хочу поскорее свалить отсюда. Не желание учиться в лучшем университете мира, не стремление к самостоятельной жизни без роди-

телей, а возможность наконец-то больше никогда ничего не слышать о Наташе Кузнецовой-Готье.

— Гарвард, да? — осторожно уточняет.

— Да.

— Ты большой молодец, Леша. Туда же так сложно поступить!

— Спасибо. А ты куда поступаешь?

— Я поеду в Париж. Буду поступать в Сорбонну на экономический факультет. Хочу, как папа, работать в банке.

Мне едва удаётся сдержать в себе порыв радости. Если и Наташа уедет из Москвы, то я не буду встречаться с ней даже на каникулах.

— Желаю удачи! — весело произношу. — Очень надеюсь, что ты поступишь!

— Спасибо, — скромно улыбается.

Кивнув ей напоследок, я спешу отойти к друзьям, потому что каждая секунда в компании Наташи оборачивается для меня сущей пыткой.

Я буду в Америке, она во Франции. Живя на другом континенте, я быстро ее забуду. Как там говорится? С глаз долой — из сердца вон? Именно. Осталось потерпеть всего лишь два месяца.

Глава 2. Королева

Торжественная часть выпускного тянется невозможно долго. Сначала ждём, пока все соберутся, потом пока все рассядутся в актовом зале. После этого на сцену выходит прихрамывающая директриса и задвигает длинную речь с наставлениями на будущее.

Я сижу рядом с друзьями и не могу отвести взгляд от Наташи, которая сидит чуть впереди меня вместе со своими подругами. Вдруг понимаю, что хочу насмотреться на нее напоследок. Неизвестно ведь, когда теперь ещё ее увижу. На самом деле надеюсь, что никогда, но все равно хочу запомнить каждую черточку ее лица, каждую маленькую родинку. Чтобы, может быть, иногда вспоминать эту улыбчивую девочку, которая всегда была для меня запретным плодом.

Директриса наконец-то заканчивает болтать, и начинается вручение аттестатов. У меня золотая медаль. Выходя на сцену вместе с другими отличниками, я все-таки замечаю, как мама прижимает к глазам носовой платок. Надеюсь, кроме меня это больше никто не заметил.

У Наташи серебряная медаль. Она выходит на сцену вместе с другими хорошистами. И снова от нее не оторвать глаз. Еще никогда ни у кого я не видел таких плавных и изысканных движений. Она даже головой по сторонам вертит с грацией и аристократизмом.

Наташа высокая, а на каблуках и вовсе одного роста со мной. У нее тонкая талия, очень стройные ноги, ровная осанка и аппетитная грудь. И улыбается она, как голливудская актриса. На всех снимках для школьного альбома Наташа получилась лучше всех. Впрочем, она на любых фотографиях всегда получается лучше всех. Даже на селфи, снятых на самый дешевый телефон с плохой камерой.

— А сейчас по традиции мы объявим короля и королеву бала, — снова начинает в микрофон директриса, что вызывает у меня приступ зевоты. Ей приносят конверт с именами. Она специально открывает его, как можно медленнее, чтобы потянуть интригу. Можно подумать, кому-то все это интересно. — Итак, королем и королевой бала становятся... — делаем драматичную паузу. — Наталья Кузнецова-Готье и Даниил Варламов!

Зал громко хлопает, а у меня тело деревенеет. Наташа выходит на сцену вместе со своим бывшим парнем. Для меня до сих пор загадка, как у него получилось обратить на себя внимание Кузнецовой. В 10 классе она начала встречаться с этим придурком и выглядела вполне счастливой рядом с ним. Из-за чего они расстались так до сих пор никто и не знает.

Директриса надевает им на голову импровизированные короны, а потом включается медленная песня, и Данил тут же спешит начать с Наташей танец. Судя по тому, как он пытается прижать ее к себе и как она пытается держать меж-

ду ними дистанцию, инициатором расставания явно был не Варламов. Ну да, какой парень по собственной воле расстанется с Кузнецовой? Никакой.

Данил, уже не стесняясь ни своих, ни Наташиных родителей, опускает Кузнецовой свою ладонь чуть ли не на задницу. Она резким движением возвращает его руку на талию и что-то возмущённо ему говорит. Я в этот момент перевожу взгляд на Наташиного отца. От дяди Егора явно не укрылась попытка Варламова облапать его единственную дочку, из-за чего он сильно нахмурил брови.

Наташин отец тоже всегда был большой преградой на пути к девушке. Каждый ее ухажёр проходит у него строгий фейс-контроль. Опять-таки, понятия не имею, как Варламову удалось понравиться Наташиному отцу, раз он разрешил своей дочурке с ним встречаться. Не удивлюсь, если у дяди Егора и ружьё есть, чтобы отгонять от дочери назойливых поклонников.

И тот факт, что Наташин и мой отец лучшие друзья, мне бы никаких поблажек не дал. Дядя Егор хорошо ко мне относится, но ровно до тех пор, пока я не стал подкатывать к его дочке.

— Ходят слухи, — Влад склоняется к моему уху и шепчет, — что Кузнецова бросила Варламова, потому что он слишком настойчиво тащил ее в постель.

Я хмыкаю.

— Откуда инфа?

— Якобы Варламов напился на вписке со своим классом и кому-то рассказал.

Танец наконец-то заканчивается, и Наташа тут же спешит сбросить с себя руки бывшего парня. На протяжении всего танца было очевидно, что она отнюдь не рада его навязчивым прикосновениям. Почему-то мне приятно думать, что она совсем не страдает по Данилу и не жалеет о расставании с ним.

Никогда не забуду, как случайно застал их в школе целующимися. У меня закончилось плавание, я уже переоделся и вышел из раздевалки, как наткнулся на Кузнецову и Варламова. Они стояли недалеко у входа в бассейн, придурок прижал Наташу к стене и орудовал своим языком у нее во рту.

В первую секунду я даже не сразу понял, что меня шокирует больше всего: что я вижу, как Наташа с кем-то целуется, или что она находится так поздно в школе, да еще и возле бассейна, в котором я тренируюсь. Просто ни Кузнецова, ни Варламов плаванием не занимаются, им нечего делать у мужской раздевалки в пять вечера, когда уроки закончились в час дня.

Но какой бы ни была причина, по которой эти двое целовались в пустой школе так поздно, на меня данное зрелище произвело неизгладимое впечатление. Я смотрел на их поцелуй с чувством, что мой мир рушится. Контрольным выстрелом в голову стало, когда Наташа неожиданно открыла глаза и встретилась со мной взглядом. Не переставая на меня

смотреть, она обвила шею Данила руками и притянула его ближе к себе, хотя ближе уже было некуда, он и так впечатался в нее всем телом. Ну а я просто развернулся и с чувством того, что в моей жизни наступил апокалипсис, направился на выход из школы.

Торжественная часть в актовом зале наконец-то заканчивается. Я прощаюсь с родителями во дворе школы, в очередной раз прошу маму не плакать, жму руку Наташиному отцу и принимаю поздравления от ее матери-француженки, которая говорит по-русски хоть и неплохо, но все-таки с заметным акцентом. Дядя Егор работает в банке, а Мэриэн (Наташина мать просит называть ее только по имени) пишет любовные романы и вполне успешно их издает как в России, так и в европейских странах. По каким-то ее книгам во Франции даже фильмы снимали.

И вот как у банкира и писательницы могла родиться такая красивая дочка, что ослепнуть можно?

— Ну наконец-то оторвёмся теперь, — ко мне подходит еще один мой близкий друг Кирилл.

Родители уже уехали, а мы ждём, когда все выпускники перестанут делать селфи и будут готовы сесть в лимузины, чтобы отправиться в ночной клуб, который сегодня работает только для нас.

— Угу, — бурчу.

— Что-то ты невеселый. — Кир в шутку бьет меня кулаком по плечу.

— Влад говорил тебе что-нибудь по поводу Кузнецовой?

— Что именно?

— Мне он сказал, что собирается ее сегодня напоить или подмешать ей порошок в стакан.

Кирилл удивленно на меня смотрит.

— Нет, со мной он такими планами не делился. А что?

— Да просто...

Я залезаю в подъехавший лимузин. Как только он наполняется одноклассниками и дверь закрывается, все тут же достают из закровов бутылки с алкоголем. Учителя едут в другой машине, а на водителя всем по фиг. Впрочем, и на учителей уже по фиг. Что они могут нам сделать? Аттестаты мы получили.

Но я не пью, от чего злюсь еще больше. Я планировал этой ночью оторваться, как следует, но в итоге должен сторожить Кузнецову. Вдруг Влад действительно решит подмешать ей что-нибудь в стакан? Он хоть и мой друг, но придурок еще тот.

Наташа всю дорогу до ночного клуба смеется со своими подругами и не пьет. Она вообще не любит алкоголь, даже на Новый год не берет в рот ни капли шампанского. Но это не значит, что этой ночью она не решит изменить своим принципам.

Я далеко не первый раз в ночном клубе. В том числе был и в этом, который для нас закрыли на всю ночь. К счастью, музыка бьет по ушам не сильно, поэтому есть возможность

разговаривать друг с другом. Добрая половина одноклассников и ребят из параллельных классов уже заметно пьяная. И я мог бы быть с ними на одной волне, думаю с горечью. Влад, к слову, свою бутылку виски уже распил вместе с тремя другими пацанами и сейчас веселится на танцполе, пока я, блин, сижу в темном углу и наблюдаю за каждым движением Наташи.

Сначала она с грустным видом стоит у бара с подругами и пьёт кока-колу, периодически оглядывая весь зал, как будто кого-то ищет. Потом они дружно идут танцевать, и вот тут-то и начинается самое интересное.

Первым к Кузнецовой подкатывает ее бывший, который уже явно не трезв. Она отходит с ним в сторону и очень эмоционально о чем-то говорит. Судя по тому, что Данил пытается положить руки ей на талию, а Наташа их сбрасывает, придурок предпринимает безуспешную попытку помириться. В итоге Кузнецова разворачивается и возвращается на танцпол.

Там к ней в танце пристраивается еще один парень из параллельного, но Наташа его вежливо отталкивает. После него попытку предпринимает один наш одноклассник.

В итоге мое настроение падает ниже плинтуса: вместо того, чтобы веселиться, я сижу один и смотрю, как к Наташе по очереди клеятся все парни нашей параллели. Так себе картина, если честно. В отличие от них я даже предпринять попытки не могу. Все, что мне остается, — это просто смотреть

на нее издалека.

Мне надоедает сидеть в темном углу, до которого не достают даже софиты, и я иду к бару. Беру там стакан воды с лимоном, сажусь на высокий стул спиной к танцполу и медленно пью. Стрелка часов показывает час ночи, до рассвета еще далеко, и перспектива смотреть на Наташу и придурков, пытающихся ее закадрить, меня сильно удручает.

Сначала я улавливаю запах ее цветочных духов, а потом замечаю движение справа от меня.

— А ты куда пропал? — Наташа становится рядом со мной, облокотившись на барную стойку. Ее шея слегка влажная от быстрых танцев, грудь очень быстро вздымается, что о говорит о частом дыхании девушки.

— Никуда, — удивленно отвечаю. — А что?

— Мы тут уже несколько часов, а я тебя даже не видела. Думала, ты домой уехал.

— Нет, я тут. Мы же были в одном лимузине.

— В лимузине я тебя видела, — кивает. — А потом ты куда-то исчез, и я подумала, что ты уехал. Почему не танцуешь?

Странно, что она вообще заметила мое отсутствие, когда абсолютно каждый парень в этом клубе борется за ее внимание.

— Не люблю танцевать.

Наташа забирается на высокий стул рядом со мной. Слегка склоняет голову на бок и поднимает уголки губ в едва за-

метной улыбке. Она слишком близко, поэтому сердце начинает качать кровь с удвоенной силой.

— Когда ты уезжаешь в Америку? — спрашивает.

— В конце августа. А ты когда едешь в Париж?

— Через три дня улетаю подавать документы в Сорбонну и после этого сразу вернусь. Если поступлю, то тоже в конце августа уеду.

— Ясно...

Я не знаю, что еще сказать девушке, а она смотрит на меня так, будто ждет продолжения диалога.

Неожиданно к нам подваливает Влад.

— О, вот вы где! — он становится между нами и забрасывает одну руку на плечи мне, а вторую Наташе, от чего она тут же дергается и брезгливо морщится. — А я ищу вас обоих. Лех, у тебя еще осталось выпить?

Я молча засовываю ладонь в глубокий внутренний карман пиджака и отдаю ему маленькую бутылку виски, которую так и не открыл.

— Вот что значит настоящий друг! — берет алкоголь и отворачивается от меня к Наташе. — А ты сок пьёшь, да?

— Да.

— Сейчас все будет!

Влад отходит от нас к противоположному концу барной стойки и что-то говорит на ухо бармену. Тот кивает ему, насыпает в стеклянный стакан лед и наливает апельсиновый сок. Влад берет его в руки и куда-то уходит, а через минуту

возвращается к нам.

— Наташа, это тебе, — с улыбкой протягивает ей сок.

У меня внутри все холодеет от ужаса. Я резко вырываю из рук девушки стакан и выливаю его содержимое в лицо человека, которого 11 лет считал своим лучшим другом.

— Самойлов, ты охренел!?! — орет на весь клуб.

Наташа испуганно отклоняется назад, а я спрыгиваю со стула и со всей силы заезжаю Владу кулаком по морде.

Глава 3. Дежавю

Влад отлетает на несколько шагов, но удерживается на ногах. Боковым зрением замечаю, как Наташа испуганно прижалась к барной стойке. Несколько секунд Влад приходит в себя, а потом налетает с ударом на меня. Я успеваю отклониться, но он все равно задевает мне губу. Во рту моментально растекается металлический привкус крови.

Я быю Влада несколько раз в живот и уже готовлюсь снова со всей силы заехать ему по лицу, как в клубе резко затихает музыка, а к намподбегают несколько здоровых мужиков из охраны и тут же скручивают мне руки.

Пьяные одноклассники растерянно смотрят на нас, сквозь толпу из них пробирается классный руководитель и еще пара учителей.

— Что тут происходит!? — орет Зинаида Васильевна. — Самойлов и Юсупов! Вы что себе позволяете!?

Влад размазывает по лицу кровь и смотрит на меня ненавидящим взглядом. Охранники, видимо, уже поняли, что я не буду вырываться и снова накидываться на бывшего друга, поэтому отпустили меня, дав выпрямиться, но все же стоят начеку, готовые снова меня скрутить.

— Зинаида Васильевна, я первый начал драку, — говорю классухе, пытаюсь отдышаться.

— Леша! Это что вообще такое!? Я немедленно звоню

твоим родителям! — поворачивается к Владу. — И твоим, Юсупов, тоже!

— Зинаида Васильевна, все в порядке, — говорит Влад, зажав нос двумя пальцами, чтобы остановить кровь.

— Не в порядке!

— Слушайте, да хватит уже! — раздраженно бросаю. — Вам самой-то не надоело по каждому поводу звонить родителям? Мы уже окончили школу и получили аттестаты, нам обоим есть 18 лет. Не ваше собачье дело, почему мы подрались!

Классуха, явно не ожидавшая услышать от меня такое хамство, жадно глотает ртом воздух, не находясь, что сказать. Мне весь этот спектакль уже надоел, поэтому я молча разворачиваюсь и удаляюсь в сторону мужского туалета. Сейчас понимаю, что Влад все-таки не хило засадил мне по губе, потому что кровь уже заполнила весь рот.

В туалете, к счастью, никого нет. Я с радостью отмечаю, что все зубы на месте. Но от удара я случайно прокусил губу, поэтому она продолжает кровоточить. Беру несколько бумажных салфеток и прикладываю к ней. Наверняка губа опухнет и будет большой синяк, что на самом деле очень плохо. Завтра важное совещание в нашей компании, на котором мне обязательно нужно присутствовать.

— Как ты? — раздается сзади тихий голос Наташи.

Я поднимаю взгляд в зеркало и вижу девушку. Она стоит, неуверенно обхватив себя за плечи. Выглядит испуганной и

растерянной.

— Все в порядке. Извини, что все это произошло на твоих глазах.

Наташа медленно подходит ко мне и становится рядом. Я не поворачиваюсь к ней, продолжая смотреть на девушку в зеркало. Тогда она сама кладёт ладонь мне на щеку и разворачивает мое лицо к себе.

Это неожиданное прикосновение на секунду дезориентирует меня похлеще удара. Я смотрю на Наташу, удивляясь такой смелости. Не помню, когда бы я или она могли вот так смело прикоснуться друг к другу. Разве что тогда в 9 классе, после чего в наших жизнях все изменилось. Стало невозможно делать вид, будто я не замечаю Наталью Кузнецову.

— Кровь сильно идёт, — берет из моих рук салфетку и принимается сама промокать губу. При этом вторую ладонь продолжает держать на моей щеке. — Влад вызвал такси и уехал домой, Зинаида Васильевна не стала звонить родителям. Дискотека продолжается.

Злость, которая еще несколько минут назад, переполняла меня с головой, сейчас сменяется нежностью к девушке, что бережно держит мое лицо в своих руках.

— Прости, — снова тихо повторяю. Сейчас Наташино лицо очень близко к моему, я даже чувствую ее дыхание.

— Тебе не за что извиняться, Леша. — Она отводит взгляд от раны на губе и смотрит мне ровно в глаза. — Я бы все равно не стала ничего пить из рук Влада. Стакан я просто

взяла, чтобы не вызвать у него подозрений. А тебе спасибо, что так заступился за меня, — грустно улыбается.

Я уже вообще ничего не понимаю.

— Почему ты бы не стала ничего пить из рук Влада?

— Потому что он один раз уже угостил меня соком, в который подсыпал снотворное. Хорошо, моя Маринка успела вызвать мне такси прежде, чем я выключилась.

— Что!? Когда это было!? — тут же завожусь.

— В 9 классе на осеннем балу. Ты тогда уехал на соревнования по плаванию.

Я замираю, пытаюсь вспомнить, что было в 9 классе в октябре во время осеннего бала в школе и моих соревнований по плаванию.

А тогда был наш спор на Наташу.

Злость охватывает меня с новой силой, когда я понимаю, каким именно образом Влад пытался выиграть спор. Вот же сукин сын... Руки непроизвольно сжимаются в кулаки.

— Тише, Леш, — Наташа, заметив, как я вспыхнул, спускает ладони с моего лица на предплечья, удерживая от порыва выбежать на улицу и снова вмазать этому уроду, в случае если его такси еще не приехало. — Со мной ничего не случилось, а из рук Влада я больше никогда ничего не пью. А учитывая, что мы окончили школу, вряд ли еще когда-то увижу его.

Я закрываю глаза, пытаюсь унять гнев. Запах Наташиных духов действует на меня умиротворяюще. Ее руки по-преж-

нему на моих предплечьях, а сама она в паре десятков сантиметров. И мне снова приходится сжать руки в кулаки, чтобы сдерживать порыв обнять девушку и прижать ее хрупкое тело к своему.

— Я вызываю такси и уезжаю отсюда, — открываю глаза и смотрю ей в лицо. — Ты едешь со мной, потому что одну я тебя здесь не оставлю.

Наташа тут же согласно кивает. И хотя ей больше ничего плохого не грозит, я не хочу, чтобы она оставалась в этом клубе без моего присмотра. Не хочу, чтобы продолжала соблазнительно танцевать, дразня всех присутствующих парней, не хочу, чтобы Варламов предпринимал новые попытки с ней помириться, а какой-нибудь Вася или Коля из параллельного пристаивал к ней в танце.

Я беру Наташу за руку и уверенно веду на выход. Мы пересекаем клуб, в котором орет музыка и взрывается танцпол так, будто не было никакой драки с кровью 15 минут назад, и выходим на улицу. Тёплый летний ветерок приятно ласкает разгоряченное лицо. Я достаю из кармана брюк телефон и открываю мобильное приложение для вызова такси.

— Ты сейчас в Москве живешь или в Золотом ручье? — спрашиваю девушку.

— В Золотом ручье.

— Я тоже.

Мы с Наташей еще и соседи по даче. Наши дома в подмосковном посёлке Золотой ручей находятся в 10 минутах

пешком друг от друга.

Я вызываю такси и вдруг понимаю, что продолжаю одной рукой держать Наташину ладонь. Мне кажется, я никогда раньше не держал ее за руку, поэтому, опомнившись, быстро отпускаю. Через минуту приезжает машина, и мы садимся на заднее сиденье. Я тут же спешу отвернуться к окну, чтобы отвлечься от близости Кузнецовой, но получается очень слабо. И хоть в салоне играет тихая музыка, все же чувствуется неловкое молчание между нами.

В итоге Наташа достаёт из сумочки телефон и углубляется в него. Я следую ее примеру. Нам особо не о чем говорить, мы никогда не были друзьями, несмотря на то, что учились в одном классе, наши семьи очень близки, а на даче мы соседи. Инициатором полного игнора всегда был я, потому что понимал: чем больше я буду с ней общаться, тем сильнее меня засосут чувства. А так я старался не замечать ее и уделять внимание другими девушками. Благо, я редко слышал от них отказ.

Такая тактика помогала. Но когда Наташа сидит так близко ко мне, а кожа все еще чувствует ее прикосновения, держать контроль очень сложно.

Через полчаса по пустым дорогам такси тормозит у Наташиного дома. Я вылезаю из машины вместе с ней, потому что до своего коттеджа могу дойти пешком.

— Еще раз спасибо, Леша, что вступился за меня, — она неуверенно мнёт в пальцах шелковую ткань платья.

— Не за что.

— Надеюсь, этот инцидент не сильно скажется на вашей с Владом дружбе. Вы ведь с ним лучшие друзья с первого класса.

— Не думаю, что мы с ним еще можем быть друзьями после того, что он сделал. — Я мгновение медлю. — И если бы я знал, что он пытался тебя усыпить тогда в 9 классе, то, поверь, убил бы его сразу, как вернулся с соревнований.

Наташа делает глубокий вдох и на секунду задерживает дыхание. Затем фокусирует взгляд на моей разбитой губе и тянется к ней пальцами. Слегка касается, и это едва ощутимое прикосновение тут же разносится по телу мощным разрядом тока.

— У тебя еще немного идёт кровь, — тихо говорит. — Давай я обработаю рану?

— Не надо, ерунда, — выдавливаю хриплым голосом.

— Надо, Леш. Пойдём, — она берет меня за руку и уверенно ведёт в свой дом.

У меня нет сил сопротивляться, поэтому я послушно слеую за девушкой. Я был дома у Кузнецовых сотню раз, так что легко ориентируюсь в темноте. Наташа не включает в холле свет, видимо, чтобы никого не разбудить. Мы молча проходим в ванную на первом этаже, где Наташа закрывает за нами дверь и только после этого включает электричество.

Она быстро моет руки и, вытерев их полотенцем, достаёт из шкафчика аптечку. Сразу находит перекись, смачивает в

ней вату и прикладывает к моей губе. Я слегка дергаюсь от резкого жжения.

— Сильно больно? — обеспокоенно спрашивает.

— Нет, нормально.

Наташа продолжает держать вату у раны и медленно поднимает взгляд от моих губ к глазам. Мы сейчас стоим друг к другу еще ближе, чем в туалете ночного клуба. Наши лица разделяют ничтожные 10 сантиметров, и невероятно сильное желание обнять Наташу и накрыть ее губы поцелуем вновь одолевает меня.

Я ловлю какое-то проклятое дежавю. Тогда в 9 классе ее лицо также было в 10 сантиметрах от моего, она также смотрела мне в глаза и ждала.

Ждала, что я поцелую ее.

Я мог воспользоваться той ситуацией и выиграть дурацкий спор с друзьями. Но в последнюю секунду, когда я уже готов был вжать ее тело в своё, в голове сработала красная кнопка «СТОП». И я, лишь слегка коснувшись губами Наташиной щеки, пожелал ей спокойной ночи и ушел.

И сейчас я делаю то же самое.

— Спасибо, Наташ, со мной все будет в порядке, — я убираю ее руку от своего лица. — Не провожай, я знаю дорогу даже в темноте. — Касаюсь ее щеки легким поцелуем. — Спокойной ночи.

Я быстро выхожу из ванной и спешу побыстрее уйти из дома, чтобы не вернуться к Наташе и не сделать то, чего мы

оба очень хотели.

Глава 4. Спор

Три года назад, 9 класс

Очередной вечер субботы протекает в столичном баре в компании моих лучших друзей — Влада и Кирилла. Нас, несовершеннолетних, легко пускают в главные ночные заведения, потому что многие из них принадлежат другу моей семьи — московскому ресторатору Илье Токареву.

Когда говорить уже особо не о чем, как обычно, все погружаются в телефоны.

— Дашка Литвинова выложила в Инсту фотку в купальнике, — Кирилл хмыкает. — Чет у нее совсем сисек нет.

— Покажи, — Влад отрывается от своего телефона.

Кир протягивает ему мобильник. Влад щурится, пытаясь получше рассмотреть одноклассницу.

— Да, грудь у нее маленькая. — Влад возвращает Киру телефон и облакачивается на спинку большого мягкого кресла из черной кожи. — Но задница у нее зачетная.

— Да обычная задница, — вступаю в разговор. — Ничего особенного.

— Мне нравится задница у Олеси, — произносит Кирилл. — Каждый раз сдерживаюсь, чтобы не шлепнуть.

Мы с Владом прыскаем от смеха.

— Чего ржете, придурки? — обижается Кир.

— Я просто представил, как тебе Артем по морде заедет,

если ты его девушку по заднице шлепнешь, — говорю сквозь смех.

Кирилл фыркает и продолжает листать Инстаграм дальше.

— Вот у кого классная задница — так это у Кузнецовой, — Влад закидывает руки за голову и чуть ли не ложится на кресле, мечтательно глядя в потолок.

Я тут же напрягаюсь. Конечно, мне известно о том, что Влад с первого класса грезит Наташей, мы ведь с ним все-таки лучшие друзья. Также мне известно, что Владу с ней ничего не светит, поскольку Наташа в упор его не замечает. За ней столько парней бегают. Влад для Наташи лишь один из них.

Но все равно каждый раз, когда Влад затевает разговор о Кузнецовой, мне становится неприятно. Я ведь в отличие от всех остальных парней нашей школы даже проявить к ней открыто интерес не могу.

— По-моему, у нее тоже обычная задница, — стараюсь сказать, как можно спокойнее. — У Олеси даже лучше, как мне кажется, — вру. Олеся с Наташей и рядом не стояла.

— Ну нет! — категорично заявляет Влад. — Такой задницы, как у Кузнецовой, ни у кого нет. И таких бедер. И такой фигуры.

Иногда я сомневаюсь в искренности чувств Влада к Наташе. У него, скорее, потребительское отношение к ней. Вот даже сейчас он говорит о Кузнецовой, как об очередной тел-

ке, а не о девушке, в которую он якобы влюблен. Да, он с первого класса за ней увивается, но это больше спортивный интерес.

— Но похоже, что тебе еще долго придется бегать за Натахой, — смеется Кирилл. — У нее таких воздыхателей, как ты, пруд пруди.

— Да я толком и не предпринимал попыток, — отнекивается. Владу очень не нравится, когда ему напоминают о том, что Нате на него плевать с высокой колокольни. — Если я серьезно возьмусь за дело, то Наташа будет моей.

Мы с Кириллом громко смеемся такой самоуверенности друга. От этого Влад злится еще больше.

— Спорим, я склею Наташку Кузнецову? — ерепенится.

— Пф, так она и повелась, — возражает ему Кирилл. — Ты не в ее вкусе. Это же очевидно.

— А кто в ее вкусе? Ты, что ли?

Кирилл не отвечает. Конечно, ему Наташа тоже всегда нравилась.

— Успокойтесь, придурки, — прерываю надоевшую дискуссию. — Ей по фиг на вас обоих.

— А давайте поспорим? — Предлагает Влад. — Кто затащит Наташу в постель, тот загадывает проигравшим любое желание.

Я тяжело вздыхаю. Вот лишнее подтверждение, что Владу просто нужно поставить галочку напротив имени Наталья Кузнецова-Готье. И ведь он не успокоится, пока не добьется

своего.

— Идёт! — тут же соглашается на спор Кирилл. — Но только давайте быть реалистами: секс с ней никому из нас не светит. Я бы для начала поспорил на поцелуй и на совместную фотку во время этого поцелуя.

— А если она не захочет фотографироваться? — пугается Влад.

— Я тебя умоляю! Кузнецова только и делает, что фотографируется. Ты Инстаграм ее видел? Там одни селфи.

— Ну ладно, — соглашается Влад. — Леха, ты с нами?

Я медлю с ответом. Кириллу и Владу с Наташей ничего не светит, лично мне это очевидно. Они могут спорить на нее хоть миллион раз, и все равно оба обломаются. Но лучше пускай этот спор будет под моим контролем. К тому же, если вдруг я выиграю, то мне есть, что загадать этим идиотам.

Кирилл будет месяц чистить мне туфли, а Владос публично признается в любви и предложит встречаться Алине Фадеевой — самой толстой и самой некрасивой девушке нашей параллели.

— С вами, — уверенно произношу.

Я никогда раньше не спорил на девушку. Как-то не было надобности. Обычно я не слышу от девчонок отказы. Да и специально их внимание я на себя тоже не обращаю. У меня с девушками все происходит естественно и само собой.

Сейчас же я оказался в западне. Во-первых, я уже 10 раз пожалел, что согласился на спор. Во-вторых, я 20 раз пожа-

лел, что не пресек этот спор на корню, чтобы даже Кирилл и Влад не смели о таком думать.

Это же не просто какая-то девчонка, это Наташа!

Но делать нечего, я уже дал слово друзьям. О том, что меня с Наташей связывает куча всего и поэтому она под запретом для меня, я даже думать не хочу. В конце концов, это ведь просто поцелуй? Не пристрелит же меня дядя Егор на самом деле за то, что я один раз поцеловал его дочь?

Хотя если я засосу Наташу, выложу фотку нашего поцелуя и потом сольюсь, она может пожаловаться родителям. Да и положила руку на сердце, мой поступок будет очень гадким.

Но лучше поменьше обо всем этом думать и поскорее начать действовать. Влад и Кирилл уже начали. Один приносит ей в школу цветы, второй пытается пригласить в кино. Естественно, эти банальности с Наташей не прокатывают. Тут нужно действовать неординарно.

О чем мечтает каждая девушка?

Как-то раз мои старшие сестры Лиза и Ира слишком громко смотрели сериал «Секс в большом городе». Я бездельничал в своей комнате, поэтому через пару стенок и открытые двери до меня доносилось все происходящее в сериале. И вот там говорилось, что якобы каждая девушка мечтает о рыцаре: чтобы он ее спас, сводил в ресторан, купил сумочку «Шанель» и решил все ее проблемы. Но беда в том, что рыцарей нынче нет, поэтому женщинам самим приходится быть себе рыцарями: строить карьеру, оплачивать счета и по-

купать ту самую сумочку «Шанель».

Короче, я должен стать рыцарем, который спасет Наташу.

На детальную проработку плана у меня уходит две недели. Я досконально изучаю расписание Кузнецовой и график ее передвижений: когда у нее танцы, когда художественная школа, на чем она перемещается по городу, как часто ходит поздно по улице одна.

Чувствую себя чокнутым сталкером. А еще — чем больше я узнаю о Наташе, тем сильнее меня затягивают чары этой девушки. Не влипнуть бы окончательно. Но пока вроде держусь.

Самый подходящий для меня вариант — это поздний вечер пятницы. Занятия в художественной школе у девушки заканчиваются в 20:00, после этого она едет на такси домой. В Наташин двор нет въезда из-за шлагбаума, поэтому машина высаживает ее у него, и дальше до подъезда Кузнецова идет пешком. А сейчас уже середина октября и темнеет рано.

Я нахожу двух студентов ПТУ, которые за деньги соглашаются симитировать нападение на Кузнецову. В День X я стою с этими гопниками у дома Наташи и жду ее появления. Признаться честно, мне страшно. Вдруг что-то пойдет не так?

Снова пристально оглядываю парней. Они не внушают мне доверия от слова совсем.

— И на всякий случай напоминаю еще раз, — строго говорю. — Девушку нужно только напугать. И все. Не прика-

саться к ней, не выхватывать у нее сумку, не...

— Да поняли мы! — раздраженно перебивает один из гопарей. — Просто припугнем, делов-то. Ты лучше скажи, долго ли нам ждать второй части оплаты?

— Переведу вам оставшиеся деньги по номеру телефона, как только вы скроетесь.

— Ну и отлично.

В этот момент я вижу желтую машину, останавливающуюся у шлагбаума. Открывается задняя дверь, и из нее выходит Наташа. Я на несколько секунд замираю, просто любуюсь ею. На девушке красное осеннее пальто, джинсы и высокие черные сапоги. На дворе уже всюю промозглая осень.

Как только Наташа закрывает дверь автомобиля, такси тут же уезжает, а Кузнецова, не спеша, направляется к своему подъезду. Двор освещают только тусклые фонари, людей нет.

— Ваш выход, — тихо произношу, когда Наташе остается метров 30 до подъезда.

Гопники молча выныривают из-за огромного джипа, за которым мы прячемся, и направляются к смотрящей себе ровно под ноги Наташе.

— Красавица, маме зять не нужен? — начинает первый.

Наташа от неожиданности дергается, и я вместе с ней. В эту секунду я в сотый раз жалею, что все это затеял, и порываюсь выбежать уже сейчас, хотя еще рано. Силой все-таки заставляю себя стоять на месте.

— Почему такая красивая девушка ходит по улице одна?

— спрашивает второй гопник.

Они подошли к Наташе вплотную и закрыли ей проход к подъезду. Кузнецова стоит ко мне спиной, но по тому, как она замерла, я понимаю, что девушка испугалась.

— Кхм, дайте, пожалуйста, пройти, — она старается произнести это уверенно, но я все же замечаю, как дрогнул ее голос. Кузнецова предпринимает попытку обойти парней, но они ей не дают.

— Ну а ты сначала телефончик оставь, — говорит первый.
— На свидание пригласить хочу.

У меня уже сердце кровью обливается от того, как Наташа пытается выбраться из их осады. Гопники зеркально отражают каждый шаг Наташи: она вправо и они вправо, она влево и они влево.

— Если вы не дадите мне пройти, — Наташа повышает голос. — Я буду кричать!

— Ай-ай-ай, — качает головой второй. — Такая красивая и такая строптивая, — и делает к ней еще шаг, становясь в упор.

Наташа резко разворачивается, чтобы убежать, но в этот момент другой гопник быстро оказывается у нее за спиной, блокируя дорогу.

Мне еще рано выходить, но я больше не могу смотреть на испуганную Наташу. Проклиная себя на чем свет стоит, за то, что все это затеял, я выбегаю из кустов и громко кричу:

— А ну отошли от нее!

Глава 5. Триггер

Три года назад, 9 класс

Гопники не ожидали моего столь раннего появления, поэтому на секунду замирают в растерянности. Наташа тоже столбенеет. К страху в ее глазах добавляется огромное удивление.

— Отошли от нее, я сказал, — цежу парням, метая молнии из глаз.

Я сейчас действую не по нашей с ними договоренности. Предварительно мы обсудили, что я появлюсь, когда Наташа начнет звать на помощь, а она еще не кричала. Парни переглядываются между собой, не зная, как дальше действовать. Я же просто хочу, чтобы они поскорее свалили, и пытаюсь подать им этот сигнал телепатически.

— А ты кто такой? — начинает на меня бычить первый гопник.

Отходит от Наташи и делает ко мне шаг.

— Проваливай, пока кости тебе не переломал, — выплевываю сквозь зубы.

— Ну рискни, — делает ко мне еще шаг.

В принципе, мы договаривались о небольшой потасовке, где я, естественно, их обоих уложу. Но гопарь так правдоподобно на меня наступает, что мне начинает казаться, что эти двое мне не поддадутся в драке.

— Леша, — испуганно выдыхает Наташа и снова замолкает.

Я заезжаю гопнику по челюсти. Вдруг понимаю, что ударил парня намного сильнее, чем мы с ним договаривались.

— Ах ты... — ПТУшник слегка отшатывается назад, а потом загорается злостью и накидывается на меня с ударом в ответ.

Наташа вскрикивает и в ужасе отскакивает назад. Второй гопник растерян и не знает, что ему делать. А я же сцепился с первым не на шутку. Мы падаем на землю, продолжая бить друг друга. И только когда я оказываюсь сверху придурка, со всей силы калашматя его кулаками, второй гопник отмирает и начинает нас разнимать.

— Эй, пацаны, хватит, хватит! — стаскивает меня со своего товарища, а когда он поднимается на ноги, становится между нами, не давая начать новую схватку. — Паша, уходим, — хватает друга под руку и силой уводит его со двора мимо шокированной Наташи.

Гопник не хило ударил меня в живот и грудь, мне больно дышать, поэтому я сгибаюсь пополам.

— Леша, — Наташа подбегает ко мне. — Ты как, Леш? Она плачет и трясется. Поднимает на себя мое лицо.

— Леша, у тебя кровь, — всхлипывает.

Я силой заставляю себя выпрямиться, хотя испытываю при этом адскую боль.

— Все нормально, — спешу ее успокоить и тянусь выте-

реть рукавом куртки разбитый нос.

— Леш, надо врача.

— Не надо. Со мной все хорошо. Не плачь.

Я протягиваю ладонь, чтобы стереть ее слезы, но вместо этого размазываю по Наташиному лицу свою кровь.

— Ой, я тебя испачкал, извини.

Каждый вздох дается мне с мучением. Видимо, гопник сильно задел мне ребра. Не сломал, но повредил.

— Леш, пойдем ко мне домой, — Наташа тянет меня за руку к подъезду.

Я послушно следую за ней, мысленно чертыхаясь. Придумал план, называется. Хотел, как лучше, а получилось, как всегда.

Пока мы ждем лифт и поднимаемся, Наташа продолжает всхлипывать и поддерживать меня под руку, хотя я в состоянии стоять и идти сам. Она открывает дверь квартиры и пропускает меня в темную прихожую. Ее родителей нет.

Я специально выбрал именно эту пятницу, потому что знал: дядя Егор и Мэриэн будут в Золотом ручье. Услышал краем уха от своих родителей. Наташа сегодня дома одна, а завтра днем едет на дачу к ним.

Я бросаю на пол портфель, снимаю куртку и ботинки. Наташа наконец-то стала успокаиваться. Вешает на крючок пальто, аккуратно ставит в сторону сапоги.

— Пойдем в ванную, тебе надо промыть раны, — направляется в сторону туалетной комнаты.

— Да со мной все в порядке. — Следую за ней. — Нужно слегка перевести дух.

Но Наташа меня не слушает. Открывает кран в раковине, тщательно моет руки с мылом, затем умывает каким-то специальным средством свое заплаканное лицо, промокает его полотенцем и поворачивается ко мне.

Сейчас с небольшими каплями воды на скулах и шее Наташа кажется еще красивее, хотя куда уж больше. Я так и застываю, просто смотря на нее. Даже забываю, что мне больно дышать. И Наташа тоже замирает. Я обращаю внимание, что ее белые щеки слегка розовеют.

— Тебе надо обработать раны, — тихо говорит, не сводя с меня глаз.

— Ерунда, — мой голос выходит слегка хриплым.

Она не отвечает. Делает ко мне небольшой шаг, берет за предплечье и слегка тянет к раковине. Я, словно ватная кукла, повинуюсь. Наташа открывает кран, и я послушно мою руки, затем умываюсь. Кровь из носа уже перестала течь, но на лице и ладонях остались ее следы.

— Держи чистое полотенце, — протягивает мне. — И надо ссадину на щеке обработать, а то вдруг инфекция какая.

— Я уже умылся, все в порядке.

— Нет, Леша, надо обработать.

Она начинает суетиться. Отодвигает подряд ящики в поисках аптечки, злится, что не находит ее. Наконец-то пакет с лекарствами отыскивается рядом со стиральными порош-

ками. Ее руки слегка трясутся.

— Наташ, все хорошо, — беру ее сзади за плечи, пытаюсь успокоить. Это выходит неожиданно даже для самого себя.

Несколько секунд она так стоит, а потом начинает тихо плакать. Я разворачиваю девушку к себе и обнимаю. Джемпер на плече тут же становится мокрым от ее слез. Я аккуратно глажу Наташу по мягким прямым волосам, не рискуя что-либо произносить.

Кажется, все вышло куда серьезнее, чем я планировал.

— На меня напали летом в Париже, — тихо говорит сквозь слезы. — Я была одна, а их было четверо. Мигранты из Африки.

Я застываю в полном ужасе, машинально сжимая Наташу в руках еще сильнее. Ее плач усиливается, а я понимаю, что своим поступком спровоцировал у девушки триггер.

С каждой секундой, что я держу в руках плачущую мне в плечо Наташу, я ненавижу себя все больше и больше. Отмотать бы время назад и не совершать ничего этого, но уже невозможно.

Какой же я придурок...

— Извини, — Наташа отрывается от меня и поспешно вытирает с щек слезы.

— Тебе не за что извиняться, — не спешу выпускать девушку.

— Из-за меня ты пострадал. Давай обработаю лицо.

Наташа выбирается из моих рук. Достает из аптечки пе-

рекишь, смачивает ею ватный диск и прикладывает его к ссадине на щеке. Рану тут же начинает жечь, но я не дергаюсь и не издаю ни звука.

— Больно? — участливо спрашивает.

— Нет, все в порядке.

— А как ты оказался в моем дворе?

Я ждал от нее этого вопроса, поэтому, конечно, подготовил ответ заранее.

— Ты сегодня забыла в школе учебник по алгебре. Я его взял, хотел дать родителям, чтобы завтра отвезли его в Золотой ручей и передали там твоим родителям, но они сказали, что им некогда носиться с книжкой. Твоего номера телефона у меня нет, в соцсетях я не зарегистрирован. Поэтому я спросил у предков, где вы живете, и решил завезти тебе его вечером домой. А то нам на понедельник столько всего по алгебре задали.

Знаю, что легенда очень глупая, но другую я не придумал. Учебник по алгебре Наташа, естественно, не забывала. Я выкрал его из ее сумки.

— Да? — удивляется. — А я даже и не заметила, что учебника не хватает. То-то думаю, чего у меня после уроков сумка такой легкой стала, — широко улыбается.

И мне так радостно видеть ее улыбающуюся, что сам непроизвольно приподнимаю уголки губ.

— Спасибо, Леша, — серьезно говорит. — Если бы не ты, даже не знаю, что со мной бы было.

— Тебе не за что меня благодарить.

Она убирает руку с ватным диском от моей щеки.

— Будешь чай?

— Буду.

— Пойдем на кухню.

Я иду следом за Наташей. Я первый раз у Кузнецовых дома в Москве. Хотя в Золотом ручье был у них сто раз, ведь все юбилеи и другие торжества, на которые нас приглашали как друзей семьи, всегда праздновались там.

Наташа живет в довольно большой и стильной квартире. Впрочем, это неудивительно, ведь у нее отец банкир, а мать известная писательница. В нашем элитном лицее других учеников нет.

Я сажусь на мягкий диван, а Наташа приступает к завариванию чая. Кухня огромная и белоснежная. Даже пол из белого мрамора.

— Ты черный чай пьешь или зеленый? — спрашивает,ковыряясь в кухонном шкафчике.

— Черный.

Она достает нужную пачку и насыпает листья в заварник. Заливает их кипятком, а через минуту разливает по кружкам. Ставит на стол одну для меня, а вторую для себя. Посередине кладет эклеры.

— Сахар нужен? — пододвигает ко мне сахарницу.

— Нет, спасибо.

Я никогда раньше не пил с Наташей чай наедине. Навер-

ное, нужно завести какой-то разговор, но я не знаю, с чего начать после случившегося. Особенно, когда я теперь знаю, что летом Наташа пережила настоящее нападение.

— Ты точно в порядке? — осторожно интересуюсь, делая небольшой глоток.

— Да, — кивает. — Просто мне и так страшно вато ходить по улице одной после инцидента в Париже, а теперь даже не знаю, как буду.

Мне снова становится не по себе. Сжимаю под столом кулаки до побелевших костяшек.

— У меня просто хотели сорвать с плеча сумку, — продолжает рассказ, — и мне надо было ее отдать, а я вцепилась в нее и не выпускала из рук. Ну и пострадала из-за этого. А сумку все равно отобрали.

— Сильно пострадала? — чувствую, как мой голос сел.

— Они вывихнули мне руку, а потом толкнули, и я всем телом впечаталась в здание. Вся левая часть была в синяках. Но, наверное, мне следует радоваться, что хотя бы не изнасиловали.

От ее рассказа чуть ли сердце не останавливается. Мне стыдно поднять на Наташу глаза.

— Папа после этого случая хотел нанять мне телохранителя и личного водителя, но я убедила его, что не надо. А вот теперь даже не знаю, как быть. Может, папа и прав, если на меня теперь у собственного подъезда могут напасть.

— Ну, на тебя не нападали, насколько я понял, — осто-

рожно замечаю. Даже не знаю, кого стараюсь успокоить: себя или ее. — Я так понял, они с тобой познакомиться хотели.

Наташа фыркает и отворачивается к холодильнику.

— Не думаю, что с тобой бы что-то произошло, — продолжаю. — Так что тебе не следует бояться ходить по улице. Москва более безопасный город, чем Париж.

Я вообще не понимаю, как Наташа проводит в столице Франции все каникулы. Да, у нее мама француженка, и там живут ее бабушка с дедушкой, но все же Париж крайне неприятный и опасный город. Мне кажется, там мигрантов уже больше, чем самих французов.

— Я люблю Париж, — спокойно парирует. — Я ведь наполовину француженка. Это моя вторая родина. — Переводит на меня взгляд. — А ты какой город любишь?

Я немного теряюсь от столь неожиданного вопроса.

— Э-ээ, да не знаю. Лондон, наверное.

— Почему именно Лондон? — спрашивает с любопытством.

— Там уникальная атмосфера. — Я слегка задумываюсь. — Там идеальное сочетание старины, традиций и современных трендов. Как в музыке, так и в архитектуре. И люди там немного по-другому выглядят. У них свой лайфстайл. Ты знала, что в Лондоне есть пабы, построенные еще в 15 веке?

— Нет, не знала. Я не была в Лондоне.

— И названия у этих пабов очень необычные. Например, «Hanged, drawn and quartered» (повешенный, утопленный, четвертованный. — примечание автора). Еще есть паб, который называется «Ye Olde Cheshire Cheese» (старый чеширский сыр, очень давно в англ. языке артикль «the» был «уе». — примечание автора). И все эти пабы существуют бог знает сколько веков.

— Ого, забавно! — Наташа улыбается.

— Да. Лондон, с одной стороны, город будущего, а с другой — это город истории и традиций. И там это все офигенно сочетается.

Наташа заворуженно хлопает глазами. Я рад, что мне удалось немного отвлечь ее.

— Ты так рассказал, что я теперь хочу побывать в Лондоне!

— Там обязательно нужно побывать каждому человеку. Второго такого города в мире нет. И еще обязательно нужно поездить по другим английским городам: Манчестер, Ливерпуль... Там везде своя незабываемая атмосфера.

— Если тебе так нравится Лондон, то почему ты планируешь поступать в Америку?

Мое воспрямшее, благодаря воспоминаниям о Британии настроение, тут же ползет вниз...

Глава 6. Спор окончен

— Потому что самая лучшая бизнес-школа в мире находится в США, — констатирую без какого-либо энтузиазма.

— Гарвард?

— Да.

Наташа с пониманием кивает.

— Но неужели в Лондоне бизнесу учат сильно хуже?

— Может, и не сильно, но все-таки хуже. Все лучшие бизнес-управленцы мира вышли из Гарварда.

— А Америка тебе нравится? Я там тоже не была.

Я слегка задумываюсь.

— Америка, с одной стороны, интересная страна. Но с другой, это слишком полицейское государство. У нас, если ты превышаешь скорость на дороге и тебя тормозят, то ты можешь и поспорить с гаишниками, и даже поругаться. А там ты слово не так скажешь, так тебя сразу мордой в капот опустят, наденут наручники и увезут в участок. Так что Америка хоть и передовая страна, но жить в ней нужно осторожно. И я бы не сказал, что демократии там намного больше, чем у нас.

Наташа с пониманием кивает.

— А ты куда планируешь поступать? — пристально на нее смотрю.

Кузнецова пожимает плечами.

— Не знаю еще, если честно.

— Но к чему тебя тянет?

Наташа обреченно вздыхает.

— Я люблю фотографироваться, но на этом же не зарабатываешь, — смеется.

— Ты могла бы стать фотомodelью. У тебя же все данные для этого! — слова вырываются сами собой.

Кузнецова скептически морщит лоб.

— Да ну, ты что, — машет рукой.

— А я думаю, у тебя бы получилось.

Наташа снова слегка смеется и тянется сделать глоток из кружки.

И я вдруг ловлю себя на мысли, что никогда еще наш с Наташей разговор не длился так долго. Я всегда упорно делал вид, что не замечаю ее. Даже не здоровался с ней в школе.

И, наверное, это была правильная тактика, потому что сейчас, сидя с Наташей на одной кухне и ведя непринужденный разговор, я понимаю, что все глубже и глубже тону в чарах этой девушки.

Она еще, как назло, так смотрит на меня. Как будто никогда не видела. А если наши взгляды встречаются, ее щеки тут же розовеют. Никогда раньше не замечал за Наташей, чтобы она смущалась и краснела. Впрочем, я для нее почти незнакомец, так что неудивительно.

Мы сидим так больше двух часов, болтая обо всем на свете. С ней так легко общаться. Оказывается, у нас совпадают

вкусы в кино, музыке и литературе. Она тоже любит читать антиутопии. Ее любимая, как и моя, «1984» Оруэлла.

Но стрелка на часах неумолимо приближается к 12 ночи, и я с грустью понимаю, что мне пора.

— Ладно, Наташ, я пойду, — поднимаюсь с дивана. — Спасибо за чай.

— Это тебе спасибо, — встает следом за мной.

Уж мне-то точно не за что говорить спасибо, думаю про себя.

Наташа провожает меня до прихожей и стоит рядом, пока я одеваюсь. Уже в куртке и с портфелем на плече, я поворачиваюсь к девушке и снова встречаюсь с ней взглядами. И на секунду мы так и замираем.

— Леша, а почему ты раньше никогда со мной не общался? — тихо спрашивает, и снова ее щеки покрываются румянцем.

— Разве? — не придумываю ничего лучше этого слова. Не говорить же ей, как есть: «Я такой же влюбленный в тебя идиот, как и все остальные в нашей школе. Вот только в отличие от меня они могут открыто проявить к тебе интерес».

— Да. Ты в школе со всеми общаешься, кроме меня, — в ее голосе сквозит обида. — Меня для тебя как-будто нет.

— Это не так, — тихо произношу. — Ты есть.

«Иногда мне кажется, что только ты и есть», — мысленно добавляю.

Наташа делает глубокий вдох и задерживает дыхание. Мы

очень близко друг к другу, наши лица разделяет всего пара десятков сантиметров. Я понимаю, что могу поцеловать ее сейчас, и она меня не оттолкнет.

Более того — Наташа ждет этого.

Готов поспорить на что угодно: еще ни один парень не стоял так близко к ней и еще ни на кого она не смотрела такими глазами. И еще ни в чьем присутствии она так не краснела и не смущалась.

— Спокойной ночи, Наташа, — я слегка касаюсь губами ее щеки, от чего она замирает. — Увидимся в школе.

Я быстро поворачиваю ключ в замке и выхожу за дверь. Решаю не ждать лифт и бегу по лестнице вниз. Холодный осенний ветер приятно холодит лицо, приводя меня в чувство.

Я мог ее поцеловать и выиграть спор с друзьями. Но Наташа не заслуживает того, чтобы так с ней поступать. Я уже совершил гадкий поступок, организовав это псевдо-нападение.

Уже дома я понимаю, что так и не отдал Наташе украденный у нее учебник по алгебре. Друзьям в школе говорю, что у меня ничего не вышло, и Кузнецова продинамила меня так же, как и их всех.

— Давайте заканчивать этот дурацкий спор, — раздраженно говорю Владу и Кириллу. — Мы все проиграли.

— Ну я еще предприму одну попытку, — загадочно отвечает Влад.

— Какую?

— Попробую подкатить к ней на осеннем балу.

Меня на осеннем балу не будет, я уезжаю на соревнования по плаванию. На секунду я напрягаюсь, но потом успокаиваю себя тем, что Владу в любом случае ничего с Наташей не светит.

Теперь уже становится невозможно делать вид, что я не замечаю Кузнецову. Тем более что она часто стала подходить ко мне на переменах первой. И во время наших коротких диалогов она так смотрит на меня, и у нее так розовеют щеки от смущения... Мне едва удастся держать себя в руках. Вести с ней непринужденный разговор, как с любой другой девчонкой, почти невозможно.

В глубине души я догадываюсь, что нравлюсь ей. Протяну руку — и Наташа моя. Но мне это запрещено.

Глава 7. Утро после выпускного

Противная трель будильника словно бьет по голове бейсбольной битой. Не размыкая глаз, я нащупываю телефон на тумбочке и бью пальцами по экрану. Назойливый звук замолкает, и я облегченно выдыхаю.

Но не надолго. Потому что без какого-либо стука резко распахивается дверь в мою комнату.

— Леша, вставай! — железный тон матери бьет по башке похлеще будильника.

— Блин, мам, у меня вчера выпускной был! — отворачиваюсь к стенке и повыше натягиваю одеяло.

Ее острые шпильки трижды стучат по паркету прежде, чем мать оказывается у моей постели.

— Пора вставать, говорю, — трясет меня за плечо.

Я знаю, что она не даст мне послабления, даже несмотря на выпускной. Ей все равно. Еще вчера она пускала сентиментальную слезу, когда я получал аттестат, но уже сегодня превратилась в железную леди, возглавляющую крупнейшую строительную компанию страны.

— Встаю, — обреченно выдыхаю и скидываю с себя одеяло.

Мама уходит, а я сажусь на постели и тру лицо. Случайно задеваю губу и морщусь от боли. По ощущениям она опухла. Подхожу к зеркалу и вижу, что это действительно так. Ниж-

няя губа не только увеличилась в размере в два раза, под ней еще на весь подбородок разросся синяк.

Придурок Влад.

Я иду в ванную комнату, принимаю душ, быстро сушу голову феном, возвращаюсь к себе и гардероб. Он набит классическими костюмами, рубашками и галстуками. Внизу в ряд стоят начищенные туфли.

Я выбираю темно-синие брюки и пиджак, белоснежную рубашку и синий галстук в белую крапинку. Завязываю шнурки на черных туфлях и иду в комнату старшей сестры. Ира развалилась на кровати звездочкой и видит десятый сон.

— Ир, — трясую ее за плечо.

Сестра издает непонятные звуки, похожие на мычание, и поднимает на лоб маску для сна.

— Чего? — щурит глаза.

— Дай тональный крем.

— Что?

— Тональный крем дай, — слегка повышаю голос. — Мне синяк замазать надо.

Сестра несколько секунд смотрит на меня сонным, ничего непонимающим взглядом, а затем все-таки встает с кровати и бредет к туалетному столику.

— На, — протягивает мне в руки маленький тюбик.

— Спасибо.

Я возвращаюсь к себе и приступаю к маскировке синяка, но выходит слабо. Если намазывать подбородок тонким сло-

ем крема, то синяк остается виден. Если мазать пожирнее, то невооруженным глазом заметно, что у меня на лице косметика.

Даже не знаю, что из этого хуже.

Дверь моей комнаты снова распахивается, и на пороге возникает мама.

— Нам через 10 минут выходить, а ты еще не позавтракал.

— Я не хочу.

Она приглядывается к моему лицу.

— Что это? — подходит ближе и смотрит на разбитую губу с опухшим подбородком.

— Ударился вчера в темноте об дверь, — сочиняю на ходу. — Вот не знаю, как лучше: быть с синяком или замазать его? Но тогда видно, что у меня на лице тональный крем.

Мама недовольно вздыхает и хмурится.

— Иди смой. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь подумал, что ты нетрадиционной ориентации.

Я произвольно смеюсь, за что родительница награждает меня строгим взглядом. Я тут же успокаиваюсь и молча иду в ванную смывать тональный крем.

Через 10 минут, наспех выпив на кухне кофе, я сажусь на заднее сиденье «Мерседеса» премиального класса. Мама уже ждет меня там. Водитель заводит мотор и выгоняет автомобиль со двора.

— Мне нужно твое мнение по этому проекту, — мать протягивает мне в руки красную папку.

Открыв ее, я вижу предложение о строительстве двух школ и трех детских садов в Архангельской области.

— Государственно-частное партнерство? — уточняю у мамы, прочитав соответствующий пункт в документах.

— Да.

— Нам это разве выгодно?

— Вот я и хочу услышать твое мнение, — она слегка поворачивает ко мне голову и пристально смотрит.

Я продолжаю читать дальше.

У моей мамы трое детей: мой старший брат Миша, потом сестра Ира и я. Миша был усыновлен в возрасте трех лет еще до того, как мы с Ирой родились, но тем не менее родители считают его родным сыном, а мы с Ирой родным братом. Разделения между нами не было, и никто бы никогда не узнал о том, что Миша усыновлен, если бы однажды он сам не пошел это проверять. Сравнил свой ДНК с Лизой, папиной дочкой от другого брака.

И вот из всех детей мама почему-то увидела своего приемника именно во мне. С самого детства она погружала меня в тонкости строительного бизнеса, показывала чертежи проектов и учила в них разбираться, лет с 14 я стал ходить на совещания. Как раз сейчас мы едем на одно такое.

Я никогда не возражал. У меня технический склад ума, и любые, даже самые сложные, чертежи мне понятны. Мне нравится анализировать: я могу взять любую отчетность с миллионом цифр и понять ее за минуту. Мне нравится вести

переговоры. После 9 класса мать отправила меня на курсы ораторского мастерства и искусства убеждения. Отдельно я прошел курс дебатов на английском языке.

И я сам собственными силами поступил в Гарвард — лучшую бизнес-школу в мире.

— Они предлагают нам построить две школы и три детских сада примерной стоимостью 2,4 миллиарда рублей, — начинаю зачитывать. — В течение следующих 10 лет мы должны будем обеспечивать техническое содержание зданий. Однако город обещает купить у нас эти объекты в рассрочку на 12 лет под 11% годовых. Еще отдельно они обещают покрыть наши затраты на техническое содержание школ и детских садов. — Перевожу взгляд на маму. — Я не увидел тут, разрешат ли нам застроить микрорайон вокруг этих школ и садов.

— Микрорайон там построен, это школы и сады для уже живущих там людей.

— Тогда нам это не выгодно, — захлопываю папку и возвращаю матери.

— Почему? — поднимает правую бровь вверх.

— Потому что за год рубль подешевел к доллару на 20%, инфляция выше 5%. И так примерно каждый год, а у нас половина строительных инструментов импортные. Их 11% годовых не покроют наши потери из-за валютных и инфляционных рисков. Вот если бы вдобавок к этим школам нам дали построить новый микрорайон и продать там все квар-

тиры, то уже другой разговор.

Мама довольно кивает головой и убирает папку в сумку.

Глава 8. Совещание

Через час автомобиль заезжает в подземный паркинг «Капитал-Строя» — строительной компании, основанной еще моим дедом. Мы поднимаемся сразу на последний этаж, который занимает председатель правления — то есть, мама.

Иногда мне кажется, что в стенах компании я провел больше времени, чем дома или в школе. Особенно в последние годы. Я перестал ездить на каникулы в любимый Лондон и все лето торчу здесь. Сейчас мне от этого особенно грустно, потому что несколько лет назад в английскую столицу переехал мой старший брат Миша.

Мамин кабинет заполняется людьми в деловых костюмах. Мужчины торопятся пожать мне руку, женщины заискивающе улыбаются. Мою опухшую губу и синяк на подбородке они не замечают. Вернее, делают вид.

Я ненавижу в них всех одну черту — жополизничество. В моей системе ценностей есть только две категории: человек работает удовлетворительно и человек работает неудовлетворительно. И вот если кто-то во второй категории, то как бы он мне ни подлизывал, все равно пойдет на выход.

Совещание посвящено росту цен на жилую недвижимость. Как я уже говорил маме в машине, инфляция в стране 5%, но рубль обесценился к доллару на 20%, а у нас половина строительных материалов из Германии. Если повышать

стоимость жилья на те же 5%, что и официальная инфляция, мы будем в минусе. Если увеличивать на 20%, то потенциальные клиенты уйдут к конкурентам.

— Почему бы нам не подумать о строительстве собственных заводов по производству стройматериалов? — озвучиваю идею, спустя полчаса жарких споров маминых заместителей.

Мать гневно стреляет в меня глазами. Я уже неоднократно предлагал ей это дома на кухне. Она считает, что на строительство собственных заводов уйдет слишком много времени. К тому же одним заводом тут не ограничишься.

— Потому что это займет много времени, а в России сложно что-либо прогнозировать больше, чем на три года, — железно отрезает мать. — Мы живем в условиях слишком нестабильной инвестиционной среды.

Другого ответа я от нее и не ждал.

— Заводы же можно не только построить, но и купить готовые. Отобрать те, что в предбанкротном состоянии, и выкупить их.

Раньше я маме это не предлагал, хотя такая идея у меня давно.

Мамины глаза на секунду загораются интересом. Она задерживает на мне взгляд, ожидая услышать что-то в дополнение, но я молчу.

— Кхм, Кристина Игоревна, — начинает финансовый директор. — В принципе, это могло бы быть выходом. Нам по-

считать, сколько составит потенциальная выгода в этом случае?

Мама мгновение медлит.

— Посчитайте, — наконец, говорит.

Мысленно ставлю плюстик в свой личный список побед. У нас с мамой что-то вроде соревнования. Чья бизнес-идея окажется более привлекательной.

Дальше вице-президент, ответственный за жилищное кредитование, начинает докладывать о ходе заключения партнерства с еще одним банком о льготной ставке по ипотеке для клиентов, покупающих недвижимость в нашей новостройке. Я уже не слушаю, потому что на телефон падает сообщение от Миши.

«Хэллоу, выпускник! Ну что там, есть жизнь после школы?»

Я не могу удержаться и расплываюсь в счастливой улыбке.

«Ты предатель! Я до последнего надеялся, что ты приедешь на мой выпускной!»

«Миллион раз прости! Ты же знаешь, как я хотел. Но, думаю, я все-таки смогу выбраться к вам в ближайшее время. Может, через пару недель»

Я чуть ли не подпрыгиваю от радости. Последний раз мы с Мишей виделись на новогодних праздниках. С тех пор, как два с половиной года назад он переехал в Лондон, наши встречи происходят максимум пару раз в год: один раз он к нам приезжает и один раз мы к нему.

Блин, вот если бы я поступил в Англию, а не в Америку, то жил бы с братом!

— Алексей, — доносится суровый голос матери.

— Да-да, — быстро убираю смартфон во внутренний карман пиджака.

Я бессовестно прослушал все, что они обсуждали. Мать продолжает задавать вопросы своим замам, но я уже слушаю в пол-уха. Миша сказал, что он приедет, и мои мысли теперь только об этом.

Наконец-то совещание заканчивается, и все проваливают из кабинета.

— Я заметила, тебе было очень весело, когда Лев Константинович рассказывал о сокращении объемов ипотеки, — ехидно замечает.

— Да, потому что я переписывался с Мишей. Он сказал, что приедет через пару недель.

За секунду строгое выражение на мамином лице сменяется выражением типичной «яжемать».

— Да? — спрашивает с придыханием. — А еще что говорил?

— Больше ничего, — поднимаюсь с кресла. — Ладно, мам, пойду кофе выпью.

— Ты мне еще сегодня будешь нужен!

— Я не уезжаю.

Я спешу поскорее удалиться из кабинета, пока мать не грузанула меня какими-нибудь чертежами или тендерной

документацией. Мне нравится наш строительный бизнес, но иногда он меня душит.

В коридоре по дороге к лифту я засматриваюсь в телефон, печатая Мише сообщение, из-за чего сталкиваюсь с Катенькой, помощницей одного из маминых заместителей.

— Ой, Алексей Максимович, извините! — восклицает, когда я на нее налетаю.

У девушки валяются из рук папки, и я наклоняюсь, чтобы помочь ей их собрать. Когда мы оба поднимаемся на ноги, Катя разводит губы в псевдо-смущенной улыбке.

— Алексей Максимович, вас так давно не было!

— Я каждый день тут.

— Да? Значит, мне не везло, и я вас не встречала, — хлопает нарощенными ресницами.

Вторая категория людей, которую я терпеть не могу так же, как жополизов — это вот такие вот Кати, которые пытаются обратить на себя мое внимание. Ей 27 лет (я узнавал), а мне 18. Но ее такая разница в возрасте не смущает, потому что я будущий владелец компании, а она секретарша без особых перспектив.

Меня тоже такая разница в возрасте не смущает, но если бы я познакомился с ней где-нибудь в клубе, а не в нашей компании. Я категорически против личных отношений с подчиненными.

— Я так рада вас видеть! — если бы не папки в ее руках, то наверняка бы захлопала от восторга в ладоши. — У Светы

Борисовой сегодня день рождения, мы соберемся в третьей переговорке, вы зайдете к нам?

Выдавливаю из себя вежливую улыбку.

— Светлана меня не приглашала.

— Ой, она еще, наверное, не успела. Я ей скажу!

— Ну что вы, Катя, не беспокойтесь.

— Так вы зайдете? — с надеждой в голосе.

В руке вибрирует телефон. Миша, наверное. Опускаю взгляд на экран и вижу сообщение от... Наташи.

«Привет! Ты в порядке после вчерашнего?»

На плечо опускается наманикюренная ладонь Кати.

— Алексей Максимович, я буду очень вас ждать.

Глава 9. Непрочитанные сообщения

Смартфон с Наташиным сообщением буквально прожигает ладонь. Рука Кати же в этот момент стряхивает с моего плеча невидимые пылинки.

— В какой переговорке будет отмечаться день рождения, вы сказали? — невнятно бормочу.

— В третьей. Через полчаса.

— Хорошо, спасибо за приглашение.

Я быстро обхожу девушку и, словно ужаленный, мчусь к лифту. Вот так всегда. Стоит мне выбросить из головы Кузнецову, как она сама возникает. Я ведь с утра ни разу о ней не подумал даже, так она сама о себе напомнила.

Ведьма.

Ее сообщение продолжает гореть на экране. Когда я сажусь со стаканчиком кофе в самый дальний угол столовой, мне пишет Миша. Я захожу в мессенджер и отвечаю брату. Мы переписываемся какое-то время, делимся новостями, при этом Наташино сообщение я по-прежнему не открываю. Пусть висит у нее непрочитанным. И по фиг, что я онлайн.

Через 20 минут выхожу на улицу и направляюсь к ближайшему цветочному магазину. Покупаю букет и возвращаюсь в офис. Когда я переступаю порог третьей переговорки,

там уже собрались около 10 девушек. Типичный женский гадюшник.

— Светлана, — обращаюсь к виновнице торжества, экономисту первой категории. — Примите мои поздравления с днем рождения, — протягиваю смущающейся девушке цветы. — Желаю вам счастья, крепкого здоровья и успехов! Вы довольно давно работаете в нашей компании, и я бы сказал, что очень плодотворно. Так держать!

Щеки девушки краснеют. На безымянном пальце ее правой руки я замечаю обручальное кольцо, которого раньше не было. Это меня не очень радует. Я знаю всех сотрудников центрального офиса нашей компании, а их около тысячи, и Светлана действительно толковый экономист. Обручальное кольцо же означает, что в ближайшее время она может отправиться в декрет, что для меня как руководителя нежелательно.

— Спасибо большое, Алексей Максимович, — мямлит с придыханием.

Я бросаю взгляд поверх ее плеча и обращаю внимание, что остальные 10 девушек притихли и вылупили на меня глаза. И только одна Катя победоносно улыбается, что смогла заткнуть меня на их сабантуй.

Я обвожу глазами стол. Помимо традиционных фруктов, пирогов, нарезок колбас и сыров, а также соков, стоят еще несколько бутылок вина и шампанского. Светлана прослеживает за моим взглядом и становится еще более пунцовой.

Вообще, пить алкоголь на рабочем месте у нас строго запрещено, но и мне, и маме, естественно, известно, что ни один день рождения в офисе не проходит без глотка шампанского. Мы делаем вид, что не знаем об этом.

Учитывая, что вчера на выпускном я так и не выпил...

— А покрепче у вас чего-нибудь не найдется? — спрашиваю у Светланы. — Только вино и шампанское?

— Д-да...

— Алексей Максимович, — подсказывает со стула Катя. — У меня есть для вас бутылка виски!

Я даже не буду спрашивать, откуда у нее на работе виски.

— Спасибо большое, — расплываюсь в улыбке.

Крашенная блондинка Катя на высоченных шпильках тут же несется к выходу. Именинница и большинство присутствующих девушек уже отмерли и теперь торопятся наложить мне на пластиковую тарелку пирогов, при этом приговаривая, как они рады меня видеть.

Ага, как же. Обломал им всю тусовку.

Через несколько минут возвращается Катя с полупустой бутылкой элитного вискаря и спешит пополнить мне пластиковый стаканчик.

Телефон с по-прежнему непрочитанным Наташиным сообщением делает карман брюк тяжелее в несколько раз. Как будто там лежит не гаджет, а кирпич. Катя суетится вокруг меня, то и дело стараясь продемонстрировать свою аппетитную задницу, обтянутую юбкой.

Смартфон вибрирует. Достаяю из кармана и вижу на экране новое сообщение от Наташи.

«Извини, что беспокою, но я правда переживаю. Просто напиши, что ты в порядке»

Сжимаю телефон со всей силы, чувствуя себя последней сволочью за то, что игнорирую Наташу. Но ведь недостаточно односложно ответить на ее сообщение словами «Со мной все хорошо, спасибо за беспокойство». Нужно же будет спросить, как ее дела, а это значит завязать диалог, что нам с ней совсем ни к чему. Тем более сейчас, когда я через пару месяцев уезжаю.

Катя спешит подлить мне еще виски.

— Спасибо, мне хватит, — останавливаю ее.

Я выпил полстаканчика, больше не нужно. Напиваться сегодня в мои планы не входит. К слову, я единственный, кто тут пьет. Девушки к вину и шампанскому даже не притронулись. Боятся в моем присутствии. Правильно.

Я перевожу взгляд на заискивающую передо мной Катю. Не выглядит она на свои 27. Я был дал ей 22-23. Грудь у нее уверенного второго размера. Сквозь тонкий шелк блузки можно разглядеть кружево лифчика. Красивая фигура, пухлые губы. Безусловно, она хороша.

Ее непосредственный шеф — мамин заместитель — на самом деле фигово работает и на волоске от увольнения. Трудовые контракты всех секретарей и личных помощников привязаны к контракту их руководителя. То есть, пойдет за

дверь мамин зам — пойдет за дверь и Катя. Вероятность того, что ее начальник будет уволен в ближайшие пару месяцев я оцениваю в 90%.

— Спасибо большое за компанию, девушки, — я улыбаюсь всем присутствующим. — Еще раз с днем рождения, Светлана, — поворачиваюсь к виновнице торжества и снова стреляю взглядом по ее обручальному кольцу.

Эх, Света, Света, а ты ведь была в шорт-листе на позицию заместителя главного экономиста. Теперь ты выбываешь из этой гонки по причине вероятного декрета. Но тебе, конечно, неизвестно ни о шорт-листе, ни о выбывании из него.

— Спасибо большое, Алексей Максимович! — радостно восклицает. — Я так рада, что вы зашли меня поздравить!

Попрощавшись с остальными девушками, выхожу из душевой переговорки в сопровождении Кати. Я направляюсь в свой кабинет, которым на самом деле редко пользуюсь, потому что провожу в компании не более трех часов в день. Но сейчас он мне очень пригодится.

Катя идет следом за мной, о чем-то болтая без умолку. Я ее даже не слушаю. Открываю дверь, захожу в помещение, Катя переступает порог следом за мной. Закрываю дверь, поворачиваю в замке ключ. Девушка резко замолкает и смотрит на меня огромными глазами с синими линзами.

Без лишних слов я подхватываю Катю под ягодицами и вжимаю в стену, впиваясь в губы. Ее обтягивающая юбка трещит по швам, облегчая мне задачу с раздеванием девуш-

ки. Катя тянется расстегнуть ремень на моих брюках, но из-за слишком длинных и острых ногтей у нее это не получается. Телефон с непрочитанными сообщениями продолжает прожигать карман, поэтому я просто достаю его и, не глядя, отшвыриваю на стол.

Глава 10. Завтрак с семьей

НАТАША

Следующим утром после выпускного я просыпаюсь в смешанных чувствах. Долго лежу в кровати, прокручивая события минувшей ночи, и то млею от радости, то еле сдерживаю слезы досады.

Леша подрался из-за меня со своим лучшим другом. Заступился за меня не перед кем-нибудь, а перед Владом, с которым он с первого класса, как не разлей вода! И еще Леша настоял на том, чтобы я уехала домой с ним. И он держал меня за руку.

Смотрю на свою правую ладонь и как будто снова чувствую прикосновение Лешиных пальцев. Сжимаю ее в кулак и едва держусь, чтобы не расплакаться.

Конечно, для него это все ничего не значило! Заступился он за меня, просто потому что наши семьи дружат. Ведь если бы со мной на самом деле что-нибудь случилось, то Леша был бы первым, с кого спросили и мои, и его родители. И Леше пришлось бы отвечать, как так вышло, что он там был и не увидел, что со мной что-то не так.

Слезы все-таки бегут по щекам, поэтому я быстро их вытираю. Беру в руки телефон и обнаруживаю десятки сообщений от всех подряд, с вопросом, почему я так рано ушла. Отшвыриваю мобильник в сторону.

Толку от всех этих парней, которым я нравлюсь, если на меня не обращает никакого внимания тот, кто мне нужен!?! Только такая неудачница, как я, из всех парней, что штабелями перед ней падают, могла влюбиться в того, кто на нее даже не смотрит.

Встаю с постели и выхожу в холл на звуки, доносящиеся из кухни. Родители уже завтракают. Натягиваю на лицо, как можно более жизнерадостную улыбку, и захожу к папе с мамой.

— Всем доброе утро! — восклицаю, как можно веселее.

Родители тут же отрывают взгляды от своих тарелок и смотрят на меня. Мама расплывается в ответной доброй улыбке. Папа хмурится.

— Хлопья будешь? — мама тут же подскакивает с места.

— Да. И кофе.

Родительница принимается готовить мне завтрак.

— Наташа, — начинает папа. — Мне Аркадий сейчас написал, что ты ему сказала тебя не забирать.

Так я и думала. Из ночного клуба меня должен был отвезти домой папин водитель. Отец у меня вице-президент по маркетингу и коммуникациям в одном крупном банке, и по должности ему полагается служебный автомобиль.

— Да, я решила уйти из клуба раньше рассвета.

— Почему? — удивляется.

— Спать захотела, — вру и не краснею.

— И на чем ты добиралась до дома? — папа хмурится еще

больше.

— На такси.

— Одна ночью на такси??? — возмущенно восклицает.

— Не одна! — тут же спешу его заверить.

— А с кем?

Я мгновение медлю.

— С Лешей Самойловым.

На несколько секунд на кухне воцаряется молчание, прерываемое только звуком кипящего в турке кофе. Мама наливает напиток в мою кружку и ставит его передо мной вместе с миской хлопьев. Садится на свое место.

— И во сколько ты вернулась домой? — папа продолжает вопрос.

— Часа в два или в три, не помню.

Отец отправляет в рот кусочек омлета.

— А Леша почему решил уйти с выпускного раньше?

Только я собираюсь ответить, как меня перебивает мама.

— Егор, да отстань ты уже от нее! Какая тебе разница, с кем и во сколько Натали вернулась домой?

Это звучит слишком двояко, поэтому меня начинает раздражать смех, а отца возмущение.

— Что значит, какая мне разница, с кем и во сколько наша дочь вернулась домой? — удивленно смотрит на маму.

— Я не так выразилась по-русски, — родительница быстро себя поправляет. — Я хотела сказать, ну и что с того, что Натали вернулась домой раньше? Тем более если ее прово-

дил Алексей. Наоборот, чем раньше ребенок вернулся домой, тем лучше.

Отец недовольно замолкает и возвращается к своей тарелке. Мама аккуратно переводит на меня взгляд и незаметно от папы подмигивает. Мне едва удастся сдержать улыбку.

У моих родителей абсолютная противоположность менталитетов. Мама у меня чистокровная француженка со свободными европейскими взглядами. Папа же консервативный русский, который считает, что никто не достоин руки и сердца его единственной дочери. Мои отношения с Данилом в 10 классе состоялись, только благодаря маме. Отцу Даня категорически не нравился.

И на самом деле это абсолютно правильно, что Варламов не понравился папе с первого взгляда, как я привела его знакомиться с родителями. Данил так и норовил при каждом удобном случае меня облапать и вечно намекал на секс. Наверное, это нормально в отношениях парня и девушки, но только если у них чувства друг к другу взаимны.

А не как было у меня с Данилом: он хотел со мной переспать, чтобы похвастаться об этом во всей школе, а я с его помощью пыталась обратить на себя внимание Леши. Но, естественно, у меня ни черта не вышло.

— А с чего это вдруг младший Самойлов стал провожать тебя до дома? — папа отрывает взгляд от тарелки и пристально смотрит на меня.

Я закатываю глаза.

— С того, что мы соседи, папа, и просто взяли одно такси на двоих!

Отец порывается сказать что-то еще, но его перебивает мама.

— Егор, дай Натали спокойно позавтракать!

— Ладно, — папа бурчит себе под нос и возвращается к тарелке.

Чтобы заполнить тишину, я начинаю рассказывать о том, что было в ночном клубе до моего отъезда. Про драку, естественно, молчу. Но проблема в том, что в клубе ничего особенного не было, поэтому мое повествование длится не долго.

Через 10 минут папа говорит, что ему пора на работу, целует в щеку маму, потом меня и уходит. Как только за отцом закрывается входная дверь, родительница переводит на меня лукавый взгляд.

— Одно такси на двоих, говоришь? — и хитренько так улыбается.

— МАМА!!!!

— Все-все! — быстро поднимает ладони вверх, сдаваясь.
— Я пошла работать. Редактор ждет от меня сегодня 15 страниц.

Мама быстро поднимается со стула, чмокает меня в макушку и удаляется в свой кабинет писать очередной бестселлер. Я без особого аппетита доедаю хлопья и возвращаюсь в свою комнату. Телефон вибрирует от входящих сообщений,

которых за период завтрака прибавилось раза в три.

«А чо ты вчера так рано ушла?»

«А что тебе Самойлов говорил?»

«Это правда, что они из-за тебя подрались?»

«Ты мутиишь с Самойловым?»

«Нам, дай мне еще один шанс!»

Это лишь некоторые из входящих смс в телефоне. Последнее — от моего бывшего Данила.

Не хочу отвечать никому из них.

Я всегда была популярна в школе. Мальчики с первого класса дарили мне шоколадки и носили мой портфель. С возрастом они становились настойчивее, но никто из них мне никогда особо не нравился. Единственный парень в нашей школе, который никогда не смотрел в мою сторону, — это Леша.

Сначала это просто слегка задевало мое женское самолюбие. Особенно, когда я видела, что к другим девушкам он очень даже проявляет интерес. Но после случая в 9 классе, когда на меня напали, а он по чистой случайности оказался в моем дворе, я по уши влюбилась в него.

Мы сидели на кухне, пили чай, он рассказывал про Лондон, Америку и что-то еще, а я смотрела на него и забывала дышать. Никогда ничего подобного не испытывала. Это было точно, как описывает мама в своих любовных романах: сердцебиение учащается, от его прямого взгляда предательски краснеют щеки, а по коже гуляют мурашки.

Когда Леша ушел, я полночи не могла уснуть. Смотрела в потолок, а с лица не сходила дурацкая улыбка. Я наивно полагала, что в понедельник в школе, он будет со мной общаться так же, как и с остальными девчонками. Ага, как же. Он снова не замечал меня в упор. Ну разве что здороваться начал. Прогресс.

Я снова беру в руки телефон и просматриваю карусель из входящих. От Леши, естественно, нет ни весточки. Ну да, зачем ему мне писать.

С настроением ниже плинтуса я пишу сообщение подружке по даче.

«Ты в Золотом ручье?»

Ответ приходит тут же.

«Да».

«Зайдешь?»

«Через 15 мин»

Пока Настя собирается ко мне, я иду в душ. Быстро привожу себя в порядок и выхожу во двор к качелям. Настя открывает калитку без стука и направляет ко мне.

— Приветтики, — целует меня в щеку.

— Привет.

Настя садится на качелью рядом со мной. Мы дружим с детства, так как соседствуем по даче. Но в Москве мы живем в разных районах и ходили в разные школы, поэтому встречаемся только в Золотом ручье. Настя на год старше и уже окончила первый курс универа.

— Как выпускной прошел? — подруга окидывает меня озорным взглядом. — Что-то ты без настроения.

— Да все отстой, — уныло произношу.

— Опять по Леше страдаешь?

Естественно, Настя знает Алексея. Он же тоже наш сосед.

— Вчера на выпускном он подрался из-за меня со своим лучшим другом.

Настины брови взлетают вверх.

— Но это только со стороны выглядит так, будто подрался, потому что я ему нравлюсь! — спешу добавить. — А на самом деле, просто потому что его друг опять подсыпал мне в стакан какую-то дрянь, и если бы со мной что-то случилось, то с Леши бы спросили, так как он там был и не заметил, что со мной что-то не так. В общем, подрался из жалости ко мне. Ну и еще, чтобы ему не влетело от его родителей.

— И чем все закончилось?

— Тем, что он сказал, что мы должны уехать из клуба. Я, естественно, согласилась! Такси довезло нас до моего дома. Он тут же собрался уходить к себе, но я его задержала, настаивая на том, что надо обработать его боевую рану, полученную из-за меня. В ванной я приложила к его ссадине ватный диск с перекисью, и мне на секунду показалось, что возник момент, когда мы бы могли поцеловаться, но Леша ничего такого не сделал и просто ушел! — возмущенно выпаливаю и тут же замолкаю.

— Ну сама бы его поцеловала, — Настя пожимает плечами.

— Что!? — резко разворачиваюсь к подруге.

— Ну поцеловала бы его сама, говорю, — беспечно парирует.

— Я не умею!

— Не умеешь целоваться? — выгибает бровь.

— Не умею целовать парня первой!

— А что там уметь? Берешь и целуешь.

Я шумно выдыхаю и качаю головой. Наш разговор бессмысленен. Настя считает, что с Лешей мне нужно брать инициативу в свои руки. Легко ей говорить!

— Слушай, Наташ, я вот в моих отношениях с Кириллом проявила инициативу первая. Мы вместе уже два года!

— Ты просто написала ему одно сообщение, Насть! Ты не лезла к нему целоваться первой. К тому же ты знала, что нравишься ему. А я Леше не нравлюсь, он даже не смотрит на меня!

— Это не так, — категорично заявляет подруга. — Леша все время пялится на тебя, когда ты этого не видишь.

Настины слова мне, естественно, приятны. И мне до ужаса хочется в них верить! Но чтобы потом не было больно разочаровываться, не нужно очаровываться.

— Не правда, — бурчу.

— Правда. На моем дне рождения в мае он глаз с тебя не сводил. А когда ты пошла танцевать с Сашей, он аж почернел

от злости.

Я молчу, продолжая рассматривать куст розы в паре метров от нас.

— Слушай, Наташ, напиши ему первая.

— Что ему написать? — произношу слишком резко.

— Ну, он из-за тебя подрался. Спроси, как он себя чувствует.

— Он мне ответит «Нормально». Дальше что?

— А дальше еще что-нибудь придумаем.

Я задумчиво кусаю губу.

— Наташа, парень из-за тебя подрался! Это естественно, что ты проявляешь знак вежливости и спрашиваешь о его самочувствии. А вдруг у него из-за тебя произошло кровоизлияние в мозг, и он сейчас при смерти?

— Нет у него никакого кровоизлияния!

— Вот пускай он тебе об этом скажет, а не ты за него думаешь! Напиши просто вежливое сообщение с вопросом о его здоровье.

Может, Настя и права... Достая из кармана шорт телефон и, пока не успела передумать, быстро печатаю Леше смс.

Глава 11. Светский раут

НАТАША

«Спасибо за беспокойство, со мной все хорошо, тебе не следует переживать»

Приходит ответ от Леша почти в 12 ночи. Я уже и не надеялась. Он сидел онлайн и не отвечал на мое первое сообщение. По совету Насти я написала ему второе. Сначала Леша долго не открывал мессенджер, а потом зашел и снова не прочитал мои смс.

И вот сейчас больше, чем через 10 часов после того, как я ему написала, он-таки соизволил напечатать мне ответ.

Жгучая обида разливается по всему телу, а к глазам подступают слезы.

— Да пошел ты! — в сердцах швыряю телефон на кровать.

Чем он был так занят, что даже не открывал мои сообщения?

Силой заставляю себя унять слезы. Ладно, по фиг. Через два дня я улетаю в Париж подавать документы в Сорбонну. В любом случае, если подумать, то у нас с Лешей не может быть будущего. Он в конце августа уезжает в Америку, и мы будем в разных странах.

Алексей не спрашивает, как мои дела, я тоже больше ничего ему не пишу и спокойно собираю чемоданы в Париж, уже предвкушая встречу с местными друзьями. Я лечу вдво-

ем с мамой, папа остается дома.

На рейс «Москва-Париж» я захожу Наташей Кузнецовой, а выхожу Натали Готье. На паспортном контроле мы с мамой идем к окошкам для граждан Евросоюза, там я подаю чернокожему мужчине свое французское удостоверение личности. У меня двойное гражданство.

Когда мы выходим из аэропорта «Шарль-де-Голль», дедушкин водитель уже ждет нас. Пока едем, я жадно всматриваюсь в любимый Париж. На окраине он не очень красивый, впрочем, как и Москва. Но центр! Как же я люблю центр Парижа... Все эти здания кремового цвета с лепниной, широкие тротуары с деревьями. Тут все такое теплое и уютное. Не то что в серой Москве.

Автомобиль тормозит у пятиэтажного дома на Елисейских полях. Водитель помогает достать сумки и поднять их на наш этаж.

— Ну наконец-то! — дедушка с широкой улыбкой выходит нас встречать. Следом за ним появляется бабушка.

Они расцеловывают нас в щеки и ведут в гостиную, где уже накрыт обед.

Мой дедушка Пьер Готье — известный на всю Европу архитектор. Не сосчитать, сколько зданий он спроектировал. По его чертежам возводились аэропорты, университеты, деловые кварталы, отели... Да что он только ни строил.

Моя бабушка Мадлен Готье — светская львица. Без нее в Париже не обходится ни один раут. Когда я приезжаю в

гости, она водит на них и меня, приговаривая, что мне пора искать подходящего жениха (я слышу это от нее лет с 14).

— Натали, — бабушка поправляет наманикюренной рукой свою пышную прическу без единого седого волоса, — послезавтра мы идем с тобой на день рождения французского Vogue.

Мама едва слышно цокает и качает головой.

— Ой, ба, я не читаю Vogue. И я хотела встретиться с друзьями.

Мадлен сердито машет рукой.

— Твои друзья никуда не денутся! Я уже сказала главному редактору Vogue, что приду со своей прекрасной внучкой, которая с легкостью может украсить обложку их следующего выпуска.

От такого заявления я давлюсь индейкой.

— А что? — удивляется бабушка. — Ты не хуже всех тех фотомоделей, что каждый месяц появляются в их журнале.

Ага, вот только Леше все равно не нравлюсь.

— Ты преувеличиваешь. У меня обычная внешность.

Бабушка несогласно качает головой.

— Какой у тебя рост, Натали?

— Метр семьдесят пять.

— Мама, Натали приехала поступать в Сорбонну, а не ходить по вечеринкам, — вмешивается моя родительница.

— Да, я хочу работать в банке, как папа, — добавляю.

Бабушку наши ответы явно не устраивают.

— Натали, мы идем с тобой на день рождения Vogue и точка! В конце концов, где, как не там, искать перспективного молодого человека? А туда придут все рекламодатели Vogue! Это модные дома Chanel, Dior, Versace...

— Бабушка, они там все геи, — перебиваю ее.

— Не все! Креативный директор Nina Ricci очень приятный молодой человек. Ему слегка за 30, и он традиционной ориентации.

Я закатываю глаза.

— Так бы сразу и сказала, что ты просто хочешь найти мне удачную партию.

Естественно, бабушка не оставляет мне шансов для отступления. На следующий день после того, как мы с мамой относим документы в Сорбонну, Мадлен тащит меня на этот светский раут. Она даже наряд мне подготовила еще до моего приезда: легкое шелковое платье цвета пыльной розы от именитого дома моды. Оно достаёт до пола и выглядит очень невинно, если не считать разреза до бедра и глубокого декольте.

— Ты не должна скрывать свои прелести! — заявляет Мадлен.

На самом деле я с ней согласна, хоть виду и не подаю. Я была самой красивой девушкой в школе, королевой бала! За мной бегали все мальчики моего класса, параллельных и даже тех, что старше. Мне столько раз признавались в любви, что не сосчитать.

И плевать я хотела на Самойлова! У моих ног будет любой мужчина, какого я пожелаю!

Именно так я заставляю себя не думать о Леше и не гадать, чем он занимается и в чьей компании проводит дни. А о том, что он их проводит именно в женской компании, я даже не сомневаюсь. У него всегда было девушек в избытке. Если я самая красивая девчонка в нашей школе, то он один из самых красивых парней.

День рождения французского Vogue проходит в фешенебельном отеле «Бристоль», кстати, недалеко от нашей квартиры на Елисейских полях. Именно здесь чаще всего останавливаются голливудские звезды, когда приезжают в Париж. У отеля есть внутренний двор-сад, где и проходит вечеринка.

Сегодня здесь собрался весь бомонд Парижа. От количества бриллиантов глаза слепит. Не успев переступить порог сада, я тут же вижу жену министра экономики Франции, дочь мэра Парижа, известную французскую актрису, получившую пару лет назад Оскар... Я уже молчу обо всех представителях модных домов Франции.

Я привыкла к подобным мероприятиям, бабушка таскает меня на них постоянно. Но все равно чувствую себя немного не в своей тарелке среди всей этой помпезности. Бабуля протягивает мне бокал шампанского, хоть и прекрасно знает, что я на дух не переношу алкоголь.

— Натали, вот так встреча! — растягивает губы в фаль-

шивой улыбке и спешит расцеловать меня в щеки та самая супруга министра экономики. — Мадлен, — поворачивается к бабушке, — ты не говорила, что твоя внучка приезжает!

— Мы очень давно с тобой не виделись, Бриджит!

— Что правда, то правда.

Далее идет стандартная процедура. Мы по очереди расцеловываемся в щеки со всеми знакомыми, болтаем о последних новостях Парижа и делаем вид, что безумно рады видеть друг друга. Я держу в руках бокал шампанского и изредка прикладываю его к губам, потому что так положено.

— А вот и главный редактор Vogue, — шепчет бабушка на ухо. — Пойдем познакомлю.

И не дожидаясь от меня ответа, она берет меня под руку и ведет к очень стильно одетой женщине лет так около 50. На ней черные брюки до щиколоток, белая блузка, красный блейзер и красные лодочки.

— Мадлен! — замечает она нас с бабушкой и улыбается.

— Эммануэль! — отвечает ей бабуля. — Спасибо за приглашение!

— Рада, что ты пришла на наш праздник! — целует бабушку в щеку, а затем смотрит на меня. Сначала окидывает безразличным взглядом, а потом на мгновение задерживается на моем лице.

У меня профессиональный вечерний макияж с акцентом на глаза и скулы. Волосы завиты в кудри и собраны в высокую прическу. Платье с довольно глубоким декольте и хищный

карий взгляд этой брюнетки скользит по моей шее.

— Это и есть твоя внучка, Мадлен? — спрашивает у бабушки, продолжая пялиться на меня.

— Да, познакомься, это моя Натали. Она только окончила школу и поступает в Сорбонну.

— Здравствуйте, — улыбаюсь женщине.

Она кивает головой, при этом продолжая рассматривать меня, как товар на распродаже. Мне даже становится неудобно. Я привыкла к тому, что на меня повсеместно смотрят как мужчины, так и женщины, но сейчас меня именно оценивают. Она будто прикидывает в голове мою стоимость в деньгах.

— Рада знакомству, Натали, — она слегка приподнимает левый уголок губ.

— И я, — вежливо улыбаюсь, мечтая поскорее отсюда смыться.

К счастью, к нам подходит какой-то мужик, который увлекает разговором бабушку и эту Эммануэль. Я аккуратно делаю шагочек назад, потом второй, потом еще один, а затем резко разворачиваюсь и направляюсь в помещение.

Фойе у этой гостиницы не менее помпезное, чем сад. Все в мраморе и позолоте. Я вижу за ресепшеном бар и прямоком иду туда, бросив бокал с шампанским у декоративного апельсинового дерева.

— Кофе, пожалуйста, — говорю парню-бариста, забираясь на высокий стул.

У меня уже губы болят весь вечер наигранно улыбаться. Нет, конечно, провести время на таком мероприятии куда лучше, чем дома в пижаме за просмотром сериала, но все-таки я устала. Достаю из клатча телефон и захожу в инстаграм. Мне нравится сейчас моя прическа и макияж, поэтому я быстро щелкаю селфи так, чтобы было видно глубокое декольте, и выкладываю в соцсеть с хэштэгом #HappyBirthdayVogue.

Пуškai Леша посмотрит! Хотя ему, конечно, на меня глубоко по фиг, но все равно пускай посмотрит, какая я красивая и как мне офигенно весело. Правда, мне ни черта не весело, но он об этом никогда не узнает.

— Тоска, согласишься? — слышу мужской голос рядом с собой.

Я резко оборачиваюсь и вижу мужчину лет 35. Кажется, он был на вечеринке, с которой я только что сбежала.

— Просто немного устала, — снова развожу губы в вежливой улыбке. Уже челюсть сводит, но я обязана соблюдать приличия.

— Антуан Леруа, — протягивает мне руку.

— Натали Готье, — жму его ладонь.

Свою русскую фамилию я в Париже никогда не называю. Французы все равно с первого раза ее не поймут и не выговорят.

— Чем занимаешься, Натали?

На нем черная рубашка и черные брюки. Видно, что до-

рогого бренда. На лице легкая небритость, черные волосы зачесаны назад. Высокий, подтянутый.

— Я только окончила школу, поступаю в Сорбонну на экономический факультет.

Он снисходительно улыбается. Как маленькому ребенку, который сказал глупость.

— Но ты же понимаешь, что учеба на экономическом факультете — это совершенно не то, чем ты должна заниматься в жизни?

Я на секунду теряюсь от его наглости такое говорить незнакомому человеку.

— Вот моя визитка, Натали, — он кладет передо мной картонный прямоугольник. — Я модельный агент. Твое место на подиумах и на обложках журналов. Я видел, как на тебя смотрела Эммануэль, она тоже это поняла.

Я перевожу недоуменный взгляд с него на визитку, что лежит на деревянной барной стойке возле моей кружки кофе.

— Мы можем начать с небольшой фотосессии для какого-нибудь малоизвестного журнала, — продолжает. — Просто попробуешь постоять перед камерой. Посмотришь, нравится ли тебе это, а я посмотрю, так ли ты притягиваешь взгляды на фото, как в жизни.

— Извините, — все-таки нахожу в себе силы заговорить. — Я не модель. Думаю, вы ошиблись.

Он снова снисходительно мне улыбается, как глупому ребенку.

— Я редко ошибаюсь, детка. А Эммануэль так вообще никогда, потому она и главный редактор Vogue. Она увидела в тебе то же, что и я. А может, даже больше.

Эта его «детка» режет слух, но я молчу. Мужчина одаривает меня последней улыбкой и направляется обратно в сад, где кипит вечеринка. Я еще раз смотрю на его визитку, а затем открываю французский гугл и забиваю имя. Мне тут же выскакивает множество его фотографий в компании известных манекенщиц и страница в википедии.

Глава 12. Гости

Миша приезжает даже еще раньше, чем мы все думали. И... не один, а с Лизой.

Это обычный субботний день, спустя чуть больше недели после выпускного. Входная дверь дома в Золотом ручье хлопает, затем слышится возня в холле, заставляющая всю семью за столом на кухне недоуменно переглянуться, и через минуту на пороге возникают Миша с Лизой.

— Всем привет! — торжественно объявляют они с широченными улыбками, от чего мы все сначала давимся едой, а потом быстро моргаем, чтобы проверить не привиделись ли они нам.

Мама отмирает первой. Подскакивает со стула и тут же несется в Мишины объятия. Не успевает мать отойти к Лизе, как на Мише уже, визжа от радости, виснет Ира.

— Вот так сюрприз! — папа крепко обнимает и слегка приподнимает Лизу, а затем подходит поздороваться с Мишей.

Последним сквозь толпу родни к гостям пробираюсь я. Как обычно, запрыгиваю на Мишу сзади. Он, смеясь, скидывает меня.

— Лешка! — прижимает к себе. — Ты, кажется, еще на полголовы вымахал.

Поверх Мишиного плеча я смотрю на Лизу, которая сей-

час обнимается с Ирой. Она ловит мой взгляд, улыбается и кивает головой. Я киваю ей в ответ.

Мои отношения с Лизой всегда были из разряда «привет-пока». У нас разные матери, приличная разница в возрасте и полное отсутствие общих интересов. Вдобавок ко всему Лиза с нами не жила, а лишь изредка оставалась с ночевкой, и почти никогда не ездила с нашей семьей в отпуск. С Ирой она дружит, у них разница поменьше и есть о чем поболтать. С Мишей же у нее всю жизнь была взаимная неприязнь, пока он не узнал, что родители его усыновили.

— А вы почему не сказали, что приедете? — спрашивает папа. — Мы бы вас встретили, подготовились...

— Мы спонтанно решили, — отвечает Миша. — Думали, где провести свадебное путешествие и решили, что проведем его дома с вами.

На кухне воцаряется гробовое молчание.

— Свадебное путешествие? — недоуменно уточняет мама.

— Да, — Миша разводит губы до ушей и притягивает к себе счастливую Лизу. — Мы три дня назад поженились.

Родители растерянно переглядываются. Ира открывает рот что-то сказать, но тут же захлопывает его. Я во все глаза таращусь на брата и его уже жену и только сейчас обращаю внимание, что на их безымянных пальцах появились обручальные кольца.

— Но... — бормочет мама. — Как же так? Почему вы нам

не сказали... — и снова растерянно смотрит на папу.

— Мы хотели, чтобы это был только наш день, — объявляет Лиза и еще плотнее прижимается к Мише.

— Сын женился, а меня не было, — у родительницы на глазах выступают слезы.

Кажется, до Миши доходит, что их поступок был по меньшей мере эгоистичен. Он выпускает из рук Лизу и делает шаг к матери.

— Мам, — обнимает ее. — Прости, пожалуйста, что не пригласили. — Целует в щеку. — Но мы можем отметить дома в семейном кругу.

Мама так и остается поникшей. Отец еще раз обнимает Лизу с Мишей, теперь уже поздравляя со свадьбой. Мы с Ирой тоже их поздравляем, я даже чмокаю Лизу в щеку.

— Ну, я думаю, — отец переводит взгляд на маму, — отметить действительно нужно.

Грустная родительница кивает головой и медленно возвращается к столу. Мы тоже расходимся по своим местам. Миша с Лизой моют руки в раковине на кухне, накладывают себе омлет, наливают кофе из кофеварки и садятся с нами за стол.

— Так а как вы поженились? — спрашивает Ира, отправляя в рот ложку йогурта.

— Расписались в загсе в Лондоне, пообедали в ресторане и пошли домой, — отвечает Миша.

— Лиза, а у тебя было белое платье? — не унимается сест-

ра.

— Нет.

— А в чем ты тогда была? — удивляется Ира.

— В одном из своих обычных платьев.

— А твоя мама знает? — спрашивает отец у Лизы. Он имеет в виду свою первую жену, Лизину мать.

— Я сказала ей на следующий день после того, как мы поженились. Мы сейчас немного отдохнем после самолета и вечером поедem к маме. Они с Артемом и Костей ждут нас.

Артем — Лизин отчим, Костя — ее младший брат по материнской линии. Эти люди Лизе всегда были ближе, чем наша семья. Оно и понятно, после того, как папа развелся с ее матерью, Лиза осталась жить с родительницей и ее новой семьей.

Отец медленно помешивает кофе. По его лицу очевидно: ему неприятно, что своей матери Лиза сказала о свадьбе с Мишей, а ему нет.

— Блин, ну что вы все, как на похоронах! — восклицаю я, чтобы поддержать брата. Видно, что и он немного расстроился из-за реакции родителей. — Это же классно! Миша и Лиза теперь муж и жена! Ура! Надо выпить!

Ира слегка смеется, заражая своим смехом и остальных, даже маму.

— Ладно, — папа наконец-то улыбается. — Это действительно нужно отметить. Не каждый день дети женятся. Как насчет ресторана и гостей? — и вопросительно смотрит на

Мишу с Лизой.

— Так не все же еще знают, что вы меня усыновили, — отвечает брат.

Пару месяцев назад Миша приезжал из Лондона и менял документы, чтобы официально больше не значиться папиным сыном. Таким образом, юридически они с Лизой больше не родственники. Но знают об этом далеко не все. Я бы даже сказал, что вообще почти никто из знакомых не знает о том, что 25 лет назад родители усыновили Мишу.

— Ну, мы все знаем, а семья у нас большая. Токаревы знают, Кузнецовы знают. — Услышав последнюю фамилию, я напрягаюсь. — А коллег с работы зачем звать? Я их и так каждый день на работе вижу, надоели уже.

— Я бы пригласила несколько друзей, — Лиза вопросительно смотрит на Мишу. — Ярослава и несколько девочек из универа.

— Ну я бы еще тогда Сеню позвал, — отвечает он ей.

— И мы обязательно должны купить тебе белое платье! — восклицает Ира и чуть ли не подпрыгивает на стуле, от чего Лиза закатывает глаза.

— А Кузнецовы зачем нужны? — стараюсь спросить, как можно более безразлично.

Папа удивленно на меня смотрит.

— А как же без Кузнецовых?

— А что? Без них свадьба Миши и Лизы не будет свадьбой? — произношу, пожалуй, слишком резко.

Отец хлопает глазами, растерявшись от моей реакции.

— Леша, какая муха тебя укусила? — папа повышает голос. — Егор — мой ближайший друг, мы с ним в одном классе учились, потом в одном институте. Я не могу не пригласить Кузнецовых на свадьбу своих детей.

— Понятно, — бросаю на стол скомканную салфетку, чувствуя на себе пристальный взгляд Миши.

Ну и мог бы сейчас по-братски прийти мне на помощь и заявить отцу, что не хочет видеть Кузнецовых на своей свадьбе! Нет же, сидит молчит. А потом еще наверняка лекцию мне прочитает.

— А красотка Наташа уже вернулась из Франции, — как бы невзначай замечает Ира и делает глоток кофе. — Я столкнулась с ней вчера на улице. Она сказала, что познакомилась в Париже с каким-то мужиком, который предложил ей стать фотомodelью.

— Чего??? Отец ей никогда не разрешит! — категорично заявляю.

— Пфф, — фыркает Ира, — я тебя умоляю, она его и спрашивать не будет.

— Что-то не припомню, чтобы Егор когда-то что-то запрещал Наталье, — смеется мама. — По-моему, она там веревки из своих родителей вьет.

Доля правды в маминых словах есть. Дядя Егор относится категорически подозрительно ко всем ухажерам Наташи, но с Варламовым она каким-то образом весь 10 класс пров-

стречалась, и ее отец ей позволял.

— У нас был ночной перелет, надо отдохнуть немного, — Лиза зевает.

— Вы на сколько приехали? — уточняет папа.

— На две недели.

— Тогда ресторан в следующую субботу?

— Ну давайте в следующую.

Отец согласно кивает.

Зная свою семью, могу с уверенностью сказать, что празднование бракосочетания Миши и Лизы не будет скромным семейным вечером. Человек 30 точно наберется, что уже не мало. И что-то мне подсказывает, что на этой свадьбе будет ооочень весело. В переносном смысле.

Глава 13. Не ровесница

Всю неделю дома суется из-за предстоящей свадьбы Миши и Лизы. Кажется, ребята уже не рады, что согласились на празднование в ресторане и с гостями. Для себя-то они поженились, и вся эта лишняя мишура в виде белого платья и толпы гостей им не нужна. Но Ира твердо намерена облачить сестру в подвенечный наряд, а папа с мамой серьезно настроены с размахом отметить создание новой ячейки общества.

Я целыми днями занимаюсь работой в компании. И Катей. Мне все равно, на что она рассчитывает, опускаясь передо мной на колени и расстегивая мою ширинку. Ее ожидания — это ее проблемы. Я к ней первый в трусы не лез.

Но нельзя не признать, что секс с Катей до одури хорош. Нет, не так. Он до одури умопомрачителен. То, от чего мои ровесницы краснеют и смущенно отводят взгляд, Катя сама стремится выполнить. Даже просить не приходится.

В пятницу я остаюсь у нее. Обычная съемная однушка на окраине Москвы. Чисто, симпатично, но без изысков. Катя приготовила типа романтический ужин, при виде которого меня разбирает смех. Нет, все выглядит очень красиво и вкусно, но свечи вокруг и эдакая интимная обстановка мне кажутся нелепыми.

— Сама готовила? — кошусь на зажаренного до хрустя-

щей корочки цыпленка.

— Конечно, — подходит ко мне вплотную и тянется к губам.

Целуется она тоже классно. Ровесницы так не умеют. Да чего греха таить, мои ровесницы не умеют ровным счетом ничего, больше половины из них еще девственницы, мечтающие о принце на белом коне.

Подхватываю Катю под ягодицы и укладываю на кровать. Пожалуй, ужин подождет, сейчас у меня другой голод. Девушка трется об меня всем телом и стонет. Засовываю руку ей под юбку, спускаю трусы. Она раздвигает ноги пошире и подается бедрами мне навстречу, параллельно срывая с меня рубашку

Мы занимаемся сексом всю ночь. После кровати перемещаемся в ванную, потом обратно в кровать. Ужин в итоге остывает, и где-то около двух ночи его приходится греть в микроволновке. А затем я раскладываю Катю на кухонном столе.

Утром я встаю рано, поскольку сегодня свадьба Миши и Лизы и нужно собраться.

— Уже уходишь? — сонная обнаженная Катя прижимается ко мне всем телом.

— Да, дела, — тру глаза.

— Приедешь ко мне сегодня?

— Постараюсь.

Быстро одеваюсь, отказываясь от завтрака, и уйду из

квартиры. В машине я не нахожу в себе сил сразу завести мотор и поехать, поэтому решаю пять минут просто посидеть, но в итоге засыпаю. Просыпаюсь от звонка. На экране высвечивается «Папа».

— Алло, — стараюсь произнести, как можно более бодрым голосом, но получается фигово.

— Леша, а ты где?

— Еду домой.

— А где ты был?

— А это так важно?

На том конце провода повисает молчание.

— Мы тебя ждем, — наконец-то произносит отец. — Поторопись.

— Да, еду.

Часы показывают 12 дня, поэтому я тут же завожу мотор и мчу домой.

В Золотом ручье все кипит от свадебных приготовлений. Миша в классическом костюме спрятался от этого безумия в беседке в саду, а вот Лизе повезло меньше. В ее комнате толпятся стилисты и фотографы. Я наспех принимаю душ, переодеваюсь и иду к брату в сад.

— Как дела? — сажусь рядом с ним на лавку.

— Что-то я уже несколько раз пожалел, что согласился на все это, — смеется, кивая в сторону дома, где приготовления еще в самом разгаре.

— Ну а ты думал, что родители ограничатся одним лишь

рестораном?

— Я на это надеялся, — брат поворачивается ко мне. — Как дела?

— Нормально.

— Где ты был всю ночь?

— Не дома.

Миша снова смеется.

— Это мы все поняли. А у кого?

— Да так, у одной девушки, — отвечаю расплывчато.

— Если эту девушку зовут не Наталья Кузнецова, то ты полный идиот.

Я хмыкаю и устало откидываюсь на деревянную спинку скамейки, тру лицо.

— Эту девушку зовут Екатерина, ей 27 лет, и она творит такое, от чего Наташа будет краснеть и заикаться.

— Ты идиот! — выносит мне вердикт Миша.

— Слушай, — морщусь. — С Кузнецовой будут одни проблемы. Не так на нее посмотрел, не то слово ей сказал... С Кузнецовой не будет свободы действий.

— А какая такая свобода действий тебе нужна?

— Ну а вдруг Наташа мне надоест? А если я ей изменю? Любой другой девушке я могу свободно изменить, а Кузнецовой нет. Я не скрываю, что меня тянет к Наташе, но у меня нет уверенности, что это навсегда. А с ней надо навсегда.

— Ты слишком много думаешь, вот что я тебе скажу. Ты еще не начал с ней отношения, а уже переживаешь, что од-

нажды изменишь ей.

— Короче, есть в этом мире девушки кроме Кузнецовой. Тем более я скоро уеду и забуду ее.

— Отъезд в другую страну — не гарантия того, что ты забудешь девушку, которая по-настоящему тебе нужна.

Миша произносит это спокойно, глядя куда-то в сторону, но по его интонации я понимаю, что брат знает, о чем говорит.

— Ладно, разберусь, — нетерпеливо бросаю, желая закончить этот разговор.

К моему счастью, из дома выходят родители, а следом за ними и Ира с Лизой. На последней красивое белое платье. Не пышное, но все же с небольшим шлейфом. Миша так и застывает, когда видит ее.

— Отомри уже, — шутливо пихаю брата локтем в бок.

Миша подскакивает со скамейки и спешит к своей ненаглядной жене. Вдыхая, я плетусь следом за ним.

Глава 14. Безудержное веселье

Ресторан в центре Москвы полностью закрыт под наше мероприятие. Гостей не мало. Только родственников человек 15, включая Лизину родню по материнской линии. Также тут друзья семьи Илья и Ксюша Токаревы с сыном, несколько Лизиных подруг с парнями и мужьями, один Мишин друг и, конечно же, Кузнецовы.

Безудержное веселье.

Наташа сидит ровно напротив меня и всем своим видом показывает, что мы не знакомы. Странно, мы ведь не ругались. Да, я слишком поздно ответил на ее сообщения с вопросами о моем самочувствии после выпускного, но ответил же все-таки. А она сидит сногшибательно красивая и любезничает с придурком Ярославом. Это Лизин лучший друг, и теперь я понимаю, почему Миша его всегда ненавидел.

Ярослав небрежно забрасывает руку на спинку Наташиного стула и склоняется к ее уху. Что-то шепчет, от чего она звонко смеется, оголяя белоснежные зубы. Ее длинные пшеничные волосы локонами ниспадают по плечу. Серебристое платье открывает ключицы и грудную клетку. Свободной рукой Яр пополняет ей бокал с соком и продолжает рассказывать что-то очень веселое. При этом его похотливый взгляд так и норовит нырнуть в ее ложбинку.

Меня это бесит.

Какого хрена она делает вид, что не видит меня, и заигрывает с этим придурком?

Наташа тем временем аккуратно кладет ладонь на плечо Ярослава и склоняется к нему еще ближе, так что между их лицами остаются считанные сантиметры. У меня внутри все закипает от злости.

Пришла сюда, блин, как на подиум, села напротив меня и даже не смотрит. Еще и флиртует с этим придурком-бейсболистом. Смахивает с его пиджака невидимые пылинки, смеется и позволяет себя касаться.

С шумом отодвигаю свой стул и встаю. На звук поворачиваются все, кроме Наташи и Ярослава. Обхожу круглый стол и становлюсь возле Кузнецовой.

— Потанцуем? — и не дожидаясь ее ответа, силой поднимаю, схватив за локоть.

Наташа ошалело смотрит на меня. Ярослав прищуривает глаза и ухмыляется.

— Я вообще-то занята, — пытается вырвать руку из моего захвата.

— Мне по фиг.

Ташу Кузнецову на танцпол. Тут крутятся несколько пар, остальные гости уже преимущественно пьяные, так что до нас никому нет дела. Миша и Лиза сидят в обнимку с таким видом, будто им не терпится поскорее отсюда смыться и остаться наедине. Думаю, так и есть.

Обнимаю Наташу за талию и вплотную придвигаю к се-

бе. Она осторожно опускает руки мне на плечи и испуганно смотрит.

— Как съездила в Париж? — спрашиваю первое, что приходит на ум, и делаю еще один маленький шаг к ней, сокращая расстояние между нами до минимума.

— Хорошо, — холодно отвечает.

Мы медленно крутимся под какую-то заунывную песню. Я блуждаю глазами по ее лицу, втягиваю запах цветочных духов и непроизвольно сильнее сжимаю талию девушки. Вдруг вспоминаю ее селфи из Парижа, на котором она была разукрашена, как кукла Барби, и снова злость волнами накрывает.

— Леша, ты сильно сдавил мою талию.

Я держу ее так же крепко, продолжая жадно всматриваться в красивое лицо.

Нет в этом мире девушки прекраснее, чем Наташа.

— Леша, мне трудно дышать, — она опускает руки к моим и пытается ослабить захват.

— Мне тоже трудно дышать.

— А тебе от чего?

— От тебя.

Я все-таки слегка отпускаю ее талию, чтобы Наташа могла вдохнуть. Веду ладонью вверх по ее обнаженной спине.

— У тебя слишком откровенное платье, — говорю хрипло.

— Тебя это волнует? — дерзко вскидывает подбородок и

смотрит мне в глаза.

— Волнует.

Я не знаю, что со мной происходит. Или я слишком много выпил, или слишком взбесился из-за того, что Кузнецова сидела ровно напротив и заигрывала с придурком Ярославом, но чувствую сейчас какую-то неконтролируемую злость. И платье это на ней чертовски соблазнительное.

И вся она такая манящая и такая запретная.

Но мне уже похрен на запреты.

Я хочу ее и точка.

— С чего это вдруг тебя волнует мое платье? — хмыкает.

Я продолжаю гладить спину девушки под длинными волосами. Кожа у нее мягкая, шелковистая.

— Что ты делаешь? — испуганно спрашивает, когда я опускаюсь к ее шее и веду носом.

— С ума схожу от твоего запаха, — слегка целую тонкую кожу.

Наташа застывает в моих руках. Чувствую, как участилось ее дыхание. Резким движением она сбрасывает с себя мои руки и несется прочь из ресторана. Я быстро оглядываю помещение: пьяным родителям по-прежнему нет до нас никакого дела, как и всем остальным гостям. Перехватываю взгляд Миши. Брат кивает мне головой в сторону двери, мол, быстро иди за ней.

Не мешкая ни секунды, тоже тороплюсь к выходу. На улице сумерки, но настолько душно, что сложно сделать вдох.

Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь отыскать Наташу. Замечаю, как за углом дома скрывается серебристый подол ее платья. Быстро бегу следом. Она стоит, прижавшись спиной к зданию и закрыв глаза. Слышит мои шаги и резко распаивает веки.

— Чего тебе? — со злостью бросает.

Подхожу вплотную и опускаюсь ладонями по бокам от ее головы, беря девушку в захват.

— Что не так, Наташа?

Она смотрит на меня с обидой. Замечаю, как у девушки слегка подрагивает верхняя губа. Опускаю одну ладонь ей на шею и поглаживаю большим пальцем. Наташа дергается. Желание поцеловать ее такое сильное, что я забываю обо всех барьерах, которые сам себе выстроил. Не сомневаясь ни мгновения, я касаюсь ее губ своими. Сначала слегка, потом сильнее, а затем целую девушку глубоко.

Всего несколько секунд она стоит, замерев от неожиданности, а потом слабо начинает отвечать на поцелуй. Обнимаю ее за талию обеими руками, Наташа осторожно обводит мою шею.

Не сказать, что она целуется очень умело, совсем нет. Катя делает это куда профессиональнее. Но тем не менее этот поцелуй мне кажется лучшим в моей жизни. Ее губы такие мягкие, теплые, сладкие. Невозможно оторваться ни на секунду. Я снова и снова пускаю язык в ее рот, слегка играю, едва ощутимо прикусываю нижнюю губу. Умереть хочется

от удовольствия.

— Леша... — отрывается от меня для глотка воздуха, но я снова накрываю ее крепким поцелуем.

Черт, это просто космос.

Наташа издает легкий стон, от чего у меня едет крыша еще сильнее. Отрываюсь от ее губ и иду вниз по шее. Кузнецова запрокидывает голову, предоставляя мне больше пространства для поцелуев. Чистый кайф.

Я всегда знал, что она будет моей, стоит мне только протянуть руку. И сейчас по тому, как ее тело отзывается на мои поцелуи, я лишний раз в этом убеждаюсь.

Отрываюсь от ее шеи и поднимаю взгляд к лицу. Смотрю ровно в глаза.

— Почему весь вечер делала вид, что меня нет?

— А почему ты тогда целый день не отвечал на мои сообщения?

Ах вот оно что. Все-таки обиделась.

— Был занят.

— Чем?

Не чем, а кем. Катей.

— Работой.

Наташа фыркает и отводит взгляд в сторону. Возвращаю ее лицо на себя и снова целую. На этот раз она отвечает смелее, сильнее обвивает руками мою шею. Мы целуемся долго, глубоко, переплетаем языки. Я теряю счет времени.

Но неожиданно в кармане брюк вибрирует телефон. Не

хочу на него отвлекаться, но Наташа слишком плотно ко мне стоит и тоже чувствует, поэтому прерывает поцелуй и слегка отстраняется. Нехотя достаю гаджет.

На экране фото Кати в нижнем белье с подписью «Как тебе моя новая прическа?».

Просто каким-то чудом Наташа в этот момент поворачивает голову в сторону на плачущего неподалеку от нас ребенка. Я быстро блокирую экран смартфона и засовываю его обратно в карман.

— Что-то срочное? — Наташа снова смотрит на меня.

— Нет! Ничего срочного! — быстро выпаливаю, а у самого сердцебиение так участилось, будто законная жена застукала меня в нашей постели с любовницей.

Кузнецова недоверчиво прищуривает глаза.

— Точно?

— Точно.

Привлекаю ее к себе за талию и обнимаю, зарываясь в густые локоны. Наташа осторожно обвивает мою шею и опускается лбом мне на плечо. Я аккуратно убираю ее волосы в сторону и слегка касаюсь губами тонкой кожи на лебединой шее. Наташа тут же издает шумный выдох.

— Леш, — тихо зовет.

— М?

— А... — и тут же замолкает.

— А что все это значит? — догадываюсь, что она хотела спросить.

Кузнецова секунду медлит.

— Да...

— Я так давно мечтал об этом, — шепчу.

Наташа отрывается от моего плеча и удивленно смотрит в лицо.

— Правда?

— Да, — глажу ладонью ее щеку.

Девушка все еще продолжает смотреть на меня так, будто не верит. Склоняюсь к ней и снова целую. На этот раз аккуратно и мягко. Она ведь вся такая нежная и трепетная. Девочка-девочка. С ней нужно обращаться осторожно, как с ранимым цветком.

Именно поэтому я сейчас чувствую на себе колоссальную ответственность. Первые эмоции в виде ревности и злости прошли, а последствия остались. И они таковы, что я целую Кузнецову и должен за это отвечать.

— Я тоже мечтала об этом, — тихо говорит мне в губы.

Ну все, я попал. Теперь просто так из всего этого не выкрутишься. А через полтора месяца я уезжаю. И что делать? Встречаться с ней на расстоянии? Секс раз в год на летних каникулах?

— Давай вернемся в ресторан? — отстраняюсь от нее.

Наташа кивает с улыбкой, и мы сворачиваем обратно за угол. Я пропускаю ее первой, а сам задерживаюсь секунд на 30. Когда захожу в помещение, понимаю, что можно было этого не делать. Друзья Миши и Лизы веселятся на танцполе,

а родители слишком увлечены своей болтовней.

Кузнецова садится на свое место напротив, но уже смотрит на меня, счастливо улыбаясь, как будто я сделал ей предложение замуж. Ярослава нет, он зажигает в танцевальной зоне.

Все произошедшее 10 минут назад давит на меня бетонной плитой. Я наливаю стакан воды и залпом выпиваю, чтобы успокоиться.

Итак, что я имею?

Я поцеловал девушку, в которую влюблен с первого класса. Сделал то, о чем мечтал еще с тех пор, как был мелким сопляком. Но это не просто какая-то девушка, а дочь друга семьи: человека, дружбой с которым очень дорожит мой отец. Я же через полтора месяца улетаю за океан и буду приезжать домой только на летние каникулы.

И что мне таким образом остается?

Первый вариант — встречаться с ней на расстоянии. Я к этому готов? Не уверен. Не только потому что меня не устраивает секс раз в год, но еще и потому что совсем не хочется тратить время на размышления, где она и с кем в данный момент времени. Если Наташа станет моей полностью и без остатка, я же не смогу спокойно жить, когда она где-то там на другом континенте. Я изведу себя ревностью, и в итоге все закончится тем, что я брошу Гарвард и поеду к ней в Париж.

Именно поэтому я воспринимал возможность учебы в США как шанс выбросить Наташу из головы. Уеду и разлюб-

лю.

Второй вариант — сказать ей, что поцелуй ничего не значил. Поцеловал просто так. Пьяный был. Протрезвел и уже не помню.

Ппц, ну это бред, конечно.

Третий вариант — мне не ехать в Гарвард и ей не ехать в Париж. Остаться вдвоем в Москве. Встречаться. Просто быть вместе. Каждый божий день вместе.

Отрываю глаза от пустого стакана и смотрю на Наташу. Она ловит мой взгляд и улыбается. Теплой такой, счастливой улыбкой. Внутри все сжимается от нежности, когда смотрю на нее. Моя Наташа. Может быть моей. И я знаю: хочет быть моей.

Четвертый вариант — честно сказать ей, как есть: у нас нет будущего. И надеяться, что она поймет. Ну и самому найти в себе силы отпустить Наташу после того, как попробовал на вкус ее губы.

Четыре варианта развития нашего будущего, и решение я должен принять сейчас.

На телефон падает смс от Кати.

«Так ты приедешь ко мне сегодня?».

С минуту я смотрю на Катино сообщение, перебирая в голове варианты.

И останавливаюсь на четвертом.

«Приеду»

Встаю с места, подхожу к Наташе и склоняюсь над ее ухом.

— Мне нужно ехать, я тебе позвоню.

Она быстро кивает головой и недоуменно хлопает глазами. Не дожидаясь от нее вопросов, направляюсь К Мише и Лизе. Прощаюсь с ними и, не говоря ничего родителям, спешу на выход из ресторана.

Если бы я только знал, что судьба подготовит для нас с Наташей другой, пятый вариант нашего будущего, о котором я даже предположить не мог...

Глава 15. Сон

Катя бесит. Смотрю на нее, а вижу Наташу.

Это паранойя?

Похоже.

— Котик, с тобой все хорошо? — ластится ко мне после секса.

— Не называй меня так.

— Как?

— Котик. Терпеть не могу эти звериные прозвища.

Катя умная. Два раза повторять не приходится.

— Что-то не так? — приподнимается на локте и внимательно на меня смотрит.

Нехотя поворачиваю к ней голову и смотрю некоторое время. И не вижу ее. Потому что перед глазами Кузнецова и ее счастливая улыбка.

— Я устал и хочу спать, — отворачиваюсь и опускаю веки.

Катя обнимает меня со спины, прижимаясь обнаженным телом. Меня аж передергивает.

— Мне жарко, — скидываю с себя ее руку.

На самом деле очень хочется уйти и не оставаться в ее постели больше ни на минуту. Но меня останавливает только тот факт, что дома сейчас полно народу, включая бабушек и дедушек, и меньше всего на свете я желаю с кем-то из них разговаривать и отвечать на вопросы.

Ставлю будильник на 9 утра и тут же засыпаю.

Мне снится Наташа. Она в моих руках. Я крепко обнимаю девушку и вдыхаю ее запах, испытывая при этом чувство неземного счастья. Но неожиданно Наташа начинает растворяться. И вот я уже стою один в крошечной мгле, растерянно верчу головой по сторонам, стараясь отыскать Кузнецову. Кажется, что она где-то тут рядом, возле меня. Провожу руками по воздуху, пытаюсь «пощупать» ее. Ощущение — что Наташа везде. Чувствую ее каждой клеточкой своего тела, но не могу увидеть и дотронуться.

Вдруг слышу ее истошный крик, полный боли. Он доносится откуда-то спереди, поэтому я срываюсь с места и бегу, передвигая ногами так быстро, как могу. Обувь тонет в сырой земле, от чего бежать становится невероятно трудно. Но я все равно делаю это, все равно мчусь на Наташин крик, спотыкаясь о какие-то камни и ветки. А когда наконец-то добегаю, нахожу ее неподвижно лежащей на сырой земле. Я падаю возле Наташи на колени и беру ее в руки, прижимая к груди. Она тихо стонет и совсем не может пошевелиться.

Громкая трель будильника заставляет меня подскочить на кровати. В недоумении верчу головой, пытаюсь понять, где нахожусь. Чувствую движение сбоку, перевожу взгляд и вижу Катю. Минувшие события медленно восстанавливаются в голове: свадьба, поцелуй с Наташей, принятое мною решение, Катя.

Тру лицо ладонями, пытаюсь прогнать сон.

— Ты снова так рано уходишь? — Катя поднимается на постели и кладет подбородок мне на плечо.

— Да, дела.

Откидываю одеяло и встаю одеваться. Катя молча следит за мной взглядом. Мне хочется поскорее уйти из ее квартиры и больше никогда сюда не возвращаться. Когда я уже накидываю пиджак, Катя поднимается с кровати, обернувшись одеялом, и направляется следом за мной в прихожую.

— Буду с нетерпением ждать встречи с тобой в понедельник, — обвивает мою шею одной рукой и льнет к губам.

Нехотя отвечаю на ее поцелуй и тут же стараюсь отстраниться.

— Это тебе, чтобы ты меня вспоминал, — с лукавой улыбкой Катя, будто волшебник из рукава, достает откуда-то свои красные стринги, которые я снимал с нее ночью, и засовывает мне в карман пиджака.

— Угу, пока, — поворачиваю замок и выхожу в подъезд, тут же захлопывая за собой дверь.

Свежий утренний воздух приводит мое сознание в порядок. Минут пять я просто стою и пытаюсь надышаться, а потом вызываю такси и еду в Золотой ручей. На мое счастье дома никого нет. Ну, Миша и Лиза понятно, что домой после своей свадьбы не поедут, а остальные, где, интересно?

Впрочем, по фиг. Мне же лучше, что я один.

Только стоя под струями душа, я наконец-то полноценно возвращаюсь мыслями к Наталье. Надо поговорить с ней,

объяснить, что мы находимся в тупиковой ситуации и нет смысла начинать отношения за полтора месяца до моего отъезда. Да ведь и она тоже уезжает. Наташа должна понимать, что нам лучше оставить все, как есть.

Но как вспомню ее губы — так сразу хочется наплевать на обстоятельства и помчаться к ней. Бросить нахрен этот Гарвард. Зачем он мне нужен, если там не будет ее?

Выключаю кран и возвращаюсь в свою комнату. В теле чувствуется усталость. Я не выспался на неудобной Катинной кровати, еще и сон дурацкий снился. Закрываю глаза и борюсь с тем, чтобы не провалиться в царство Морфея. В кабинете на первом этаже меня ждут несколько папок с бумагами, которые я должен изучить. К тому же нужно сегодня позвонить Наташе.

Но я все-таки засыпаю, а просыпаюсь от настойчивого звонка в дверь. Он не прекращается. Затем слышу, как в дверь сильно тарабанят. Быстро встаю с кровати, натягиваю на себя первые попавшиеся шорты с футболкой и бегу вниз. Открываю и вижу мокрую с головы до ног Наташу.

— Леша! У меня там трубу прорвало! Вода льется, я не знаю, как остановить! — она тараторит, задыхаясь от быстрого бега.

Глава 16. Дело труба

Не задавая лишних вопросов, я запрыгиваю в кроссовки и мчусь с Наташей к ее дому. Пешком до Кузнецовых идти 10 минут. Мы добегаем, наверное, за две. Я врываюсь в ванную на первом этаже и вижу, что дверца в стене, за которой обычно прячутся трубы, открыта, и из одной из них фонтаном льется вода. Пол в ванной уже полностью залит, и медленной струйкой вода выходит в коридор.

— Она просто начала лить и все! — чуть ли не плачет Наташа, когда я подхожу к стене. — Я не знаю, как выключить!

Фонтан бьет прямо на меня. Пытаюсь рассмотреть за ним вентили, но не нахожу. Они в ряд расположены внизу. Знать бы, какой из этих четырех перекрывать. Судя по слою пыли, их давно никто не трогал. Берусь за первый черный. Повернуть его удастся с трудом, но холодная вода лить не перестает, поэтому

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.